

ОПЫТЫ ЛИРИЧЕСКІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОПЫТЫ ЛИРИЧЕСКІЕ

И ДРУГІЯ МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ
ВЪ СТИХАХЪ.

А. Востокова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

При Морской Типографіи, 1806 года.

Печашано по одобренію С. П. бургскаго вольн.
Общесства любительей словесности, наукъ и художе-
спивъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ

No.		сшран.
I.	Весенняя пѣснь - - -	1
II.	Къ Строиателямъ храма познаній -	4
III.	Исторія и Баснь - - -	5
IV.	При извѣстїи о кончинѣ Ея Имп. Высоче- ства, Госуд. В. Княгини АЛЕКСАНДРЫ ПАВЛОВНЫ - - -	9
V.	Къ А. Г. В. въ Декабрѣ 1802 года -	10
VI.	Плѣнники, идиллія - - -	12
VII.	Къ шрехмѣсячной дѣвочкѣ, когда она на рукахъ машери спада - - -	14
VIII.	Полинька, Элегія - - -	16
IX.	Листопадъ и Цвѣтень - - -	18
X.	Услажденіе зимняго вечера - - -	20
XI.	Эпишафія Михаилу Ивановичу Козлов- скому - - -	22
XII.	Эклога, весеннее устро - - -	23
XIII.	Къ Хризанеу - - -	26
XIV.	Письмо о щастїи, къ И. А. И. -	29
XV.	На смерть Шиллера - - -	33

Переводы и подражанія

XVI.	Шишакъ, идиллія - - -	36
XVII.	Проглоченный Лея - - -	38
XIII.	Три царства природы - - -	39
XIX.	Ахелой, Вакхъ и Вершумъ - - -	41
XX.	Къ брату и сестрѣ, ошмѣнно пригожимъ, но кривымъ - - -	45
XXI.	Изящнѣйшіе феномены - - -	46
XXII.	Сафо - - -	47

№.		Стр.
XXIII.	Оды изъ Горация	
1.	Къ Калліопѣ - - - -	50
2.	Къ Аполлону - - - -	54
3.	Похвала Меркурію - - - -	55
4.	Къ Лицінію, о средствѣнности	56
5.	Къ Меценату, о спокойствіи духа	58
6.	Къ Іулу Антонію, о Пиндарѣ -	60
XXIV.	На смерть воробья, подражаніе Кашу- лу - - - -	62
XXV.	Пиръ Александра, или могущество музыки. Драйденъ Канѣаша -	63
	Примѣчанія къ лирическимъ опытамъ второй части - - - -	72

Опыты повѣствовательныя.

XXVI.	Свѣшлана и Мстиславъ, древній ро- манъ въ 4хъ пѣсняхъ - -	81
	Примѣчанія - - - -	97
XXVI.	Пѣвсладъ и Зора, древняя повѣсть въ 5 ти идилліяхъ - - -	100
	Примѣчанія - - - -	121
XXVIII.	Откровеніе Музы - - - -	128.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЬ.

Майъ благодатный
Въ сонмѣ зефировъ,
Съ неба лешить,
Полною урной
Сыплеть цвѣшочки,
Лугъ зеленишь;
Всѣхъ исполняешь
Чувствомъ любви!

*

Выйдемъ пипашься
Воздухомъ чистымъ.
Что намъ сидѣшь
Въ мертвыхъ стѣнахъ сихъ?
Душно здѣсь, пыльно—
Выйдемъ друзья!
Пусть намъ покажешь
Бабочка пушь.

Тамъ гдѣ широко
 Спелется поле
 Въ синюю даль,
 Воля крупорогій
 Пажишь вкушаетъ
 Въ стадѣ юницъ;
 Прыпкіе кони
 Скачущъ и ржущъ.

*

Вижу отъ юга
 Тянутся шучей
 Лебеди къ намъ;
 Ласпочка въ свѣшломъ
 Кружится небѣ,
 Мчится къ гнѣзду.
 Пахарь оставилъ
 Мирный свой кровъ.

*

Онъ ужъ надъ пашней
 Въ полѣ прудится;
 Либо въ саду,
 Гряды копаешь,
 Числишь прививки,
 Полешь праву;
 Либо за пшичьимъ
 Смогришь дворомъ.

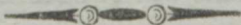
Дѣвушки сельски
Гоняшъ овечекъ
Бѣленькихъ въ лугъ.
Все оживилось,
Все заиграло,
Пшички поюшъ.
Радость объемлешъ
Душу мою!

*

Свѣсившись съ холма,
Смопряшся ивы
Въ зеркало водъ.
Гибкія вѣтви
На берегъ злачный
Кинули шѣнь.
Какъ здѣсь на справкѣ
Сѣсть хорошо! —

*

Пшичекъ подъ шѣнью
Слушашъ такъ любо!...
Ахъ, кабы вдругъ — —
Пшички, попише:
Чей эшо шорохъ...
Лизинька, ты? —
Тѣни, разкиньтесъ:
Лиза со мной!

II

КЪ СТРОИТЕЛЯМЪ ХРАМА
ПОЗНАНІЙ.

Вы, коихъ дивный умъ, художнически руки
 Полезнымъ на землѣ посвящены трудамъ,
 Чтобъ оный созидать великолѣпный храмъ,
 Который начали отцы, доспрояшь внуки!—
 До половины днесъ уже воздвигнуть онъ;
 Обширенъ и богатъ, и свѣтъ со всѣхъ сторонъ:
 И вы взираете веселыми очами
 На то, что удалось къ концу вамъ привести;
 Основа швердая положена подъ вами,
 Вершину зданія оспалось лишь взнести.
 О сколь щасливы шѣ, которы довершенный
 И преукрашенный свящешь сей будущъ храмъ!
 И мы живущи днесъ, и мы спокрашъ блаженны
 Что столько удалось столповъ поставишь намъ,
 Въ два вѣка;—столько въ немъ переработашъ камней;
 Всему удобную, простую форму дашь:
 О, наши спашуи украсяшъ Храмъ познаній,
 Помомки будущъ намъ честь должу воздавать!
 Какъ придушъ жертвовашъ въ немъ Испинѣ неплѣн-
ной

И изъ источниковъ науки нектаръ пишь,
 Рекутъ они объ насъ: „се предки незабвенны;
 Которы щилися сей храмъ соорудить;
 Се Галилей, Невтонъ, Лавуазье, Гальваній,
 Франклинъ, Лафатеръ, Кантъ, безсмертные умы;
 Безъ коихъ не былобъ священныхъ здѣсь собраній,
 Безъ коихъ долго бы еще прудились мы,—
 И такъ, спроишли, въ трудъ не унывайте
 Для человѣческаго— кромѣ награды той
 Котора въ васъ самихъ, вы смѣло уповайте
 Узрѣшь Апостолъ въ вѣкахъ грядущихъ свой.

III

ИСТОРІЯ и БАСНЬ.

Репнинъ, мой другъ, владѣтель кисти
 Ліющей душу въ мерный холстъ!
 Ты такъ какъ я, пишомецъ Феба!
 Подай же руку: вмѣстѣ мы
 Пойдемъ изящнаго спешею,
 Тебѣ я шамо покажу
 Достойные тебя предметы,
 Которые вспалятъ огонь
 Въ швоей груди, художникъ юный!

Два храма видишь ты на оной высотѣ;
 Одинъ, Коринѣскою украшенъ колонадой,
 Повсюду блещетъ тамъ и злато и лазурь,
 Въ прелестныхъ сшапуяхъ Паросскій дышетъ мар-
 моръ.

Храмъ *Басни* то; а сей, на правой сторонѣ,
 Есть храмъ *Истории*, и проситъ и важенъ.
 Въ обширномъ куполѣ, которымъ онъ накрытъ,
 И въ междустолпныхъ, разлилъ священный сумракъ.
 Мы оба храма посѣдимъ,
 И оба Божества мы жертвою почитимъ.
 Но прежде въ сей войдемъ, который столь прекра-
 сенъ—

Въ широкихъ, бѣлыхъ ризахъ
 Сѣдой почтенный жрецъ,
 Съ главой завѣшенной, повязанной вѣнцомъ
 Изъ полевыхъ цвѣтковъ, зеленыхъ миртъ и лавровъ,
 Облокошась на златоспрунну арфу,
 Въ преддверьи съ важнымъ насъ привѣщивіемъ
 встрѣчаетъ.
 Сей спарецъ есть Гомеръ—Гомеръ пѣвецъ боговъ.

—„Сподоби намъ войти въ святилище Богини,
 Зане причастны мы мистеріямъ ея“—

Священный къ намъ оклабя зракъ
 Дверь храма спарецъ отверзаетъ:
 Воспоргъ и шрепешъ свящъ весь духъ мой обни-
 маешъ!

Я вижу прелести... Но нѣтъ, не описашъ
 Миѣ ихъ словами—ты, о живописецъ

Изобразишь ли ихъ художествомъ своимъ?...

Какіе виды

И превращенья!

Тамъ брань мятежна,

Борьба, ристанье,

Здѣсь свѣшлы лики

И пляски Нимфъ!

Неизчерпаемый красотъ, богатствъ источникъ:

Бери скорѣ кисть, палистру и пиши!

Пиши

Богоглаголивой Додонской мрачность рощи,

И Пифіинъ преножникъ златъ,

И восхитительну долину Темпе,

И Гесперидскій садъ!

И пиръ боговъ пиши въ чертогахъ Кроніона

Огромныхъ, созданныхъ Ифесомъ,

Чтобы вкругъ сладкихъ яствъ опрадно возлежали

Блаженны жишели Олимпа,

И проспирали бы къ трапезѣ вождѣйной

Десницы—на опща взирая;

Во осѣненіи жъ кудрей амвросіальныхъ

Чело державнаго Зевеса

Блнспалобъ благоспью—а Ира величава

Въ златой бы зрѣлась діадимъ,

Съ эгидой и съ копьемъ владычица Паллада,

Съ колчаномъ, съ лирой, свѣшль Аполлонъ.

И ты, о-мать ушѣхъ, сладчайшая Богиня,

Имуща оный чудный поясъ,

И ты бы зрѣлась шамъ съ соборомъ юныхъ Грацій,

И со смѣющимся Эропомъ.
 О видъ божественный! о дивная изящность!
 Тамъ пѣсни Музъ плѣняютъ ухо;
 Богиня младости льетъ въ чаши сладкій нектаръ,
 И милый Ганимедъ разноситъ!

Но мы съ надоблачныхъ вершинъ Олимпа сходимъ
 Въ Троянскія поля,
 Гдѣ рать Ахейская одержитъ градъ Пріамовъ,
 Гдѣ Ксанѳосъ струи мчитъ, гдѣ Гекторъ и Ахиллъ
 Свирѣпствуютъ—— опшолъ съ премудрымъ Одис-
 сеемъ
 Въ священный океанъ пускаемся и зримъ
 Циклоповъ, Сциллу, Адъ—Цирцею—Навзикаю,
 И множество иныхъ чудесъ.

Готовъ ли ты? — теперь пойдемъ къ другому
 храму

Сумрачнымъ переходомъ симъ,
 Который лишь одна лампада освѣщаетъ.
 Здѣсь спрога Критика имѣешь свой престолъ,
 И лжѣ и истинѣ границу полагаетъ.

Ты былъ поэтомъ: будь философомъ теперь!
 На сихъ висящихъ дскахъ добро и зло читая,
 Предметы избирать изъ нихъ себѣ умѣй.
 Великихъ и священныхъ изобрази людей
 Которыхъ побѣдить не можешь участь злая.

Искусной кистию своей,
 Яви добро и зло въ разительныхъ контрастахъ;
 Въ спрадальцахъ Истины прекрасная душа

Сквозь всякуюбъ черпу наружу провицала:
 Сокращъ бесѣдуешъ съ друзьями, смершь пїя;
 Правдивый Ариспидъ свое изгнанье пишешъ;

Идешь обратно Регуль въ плѣнь,
 И вѣренъ истинѣ Тразеа умираешъ.
 А въ нѣдрахъ роскоши, среди богашствъ, честей,
 Тирановъ льщецъ Дамокль, упоеваясь счастьемъ,
 Возвелъ кичливый взоръ, но надъ собой узрѣвъ
 Мечь остръ, на волоскѣ висящій—цѣпенѣшъ.

Сколь благомыслящимъ ушѣшно созерцашъ
 Толь поучительны, толь сильныя картины!
 Съ Плущархомъ въ нихъ Репнинъ, съ Тацитома
 намъ являй

Величіе и низость смертныхъ,
 И душу зрителей къ добру воспламеняй!

IV

При извѣстїи о кончинѣ
 Ея имп. высочества госуд. в. княгини
 АЛЕКСАНДРЫ ПАВЛОВНЫ.

Когда въ далекій край изъ Опческаго дому
 Прекрасная шекла въ слѣдъ жениху младому,
 Не смѣли мы ропшашъ чшо онъ ее увезъ;

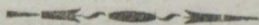
Невѣсту, прѣпешной любовію ведому,
Сопровождали мы, сердечнымъ покомъ слезъ.

Но еслибъ въ ту минушу знали,
Что не супругъ гошовъ, гошова алчна смерть
Къ ней хладныя свои объятія проспершь:
Мы щещныхъ слезъ бы не роняли,
Но грудью бъ за нее стояли.

V

КЪ А. Г. В.

въ Декабрѣ 1802 года

Асклепіадейскимъ размѣромъ 1)

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{—}v \text{ —}vv\text{—}, \text{ —}vv \text{ —}vv \\ \text{—}v \text{ —}vv\text{—}, \text{ —}vv \text{ —}vv \\ \text{—}v \text{ —}vv\text{—}v \\ \text{—}v \text{ —}vv\text{—}v\text{—} \end{array} \right\}$$

Волковъ, милый пѣвецъ²⁾! что ты молчишь те-
перь?

Ты своею давно Анакреонскою

Лирой насъ не плѣняешь,

И Парнасскихъ не рвешь цвѣшковъ!—

Что ты право молчишь; точно какъ лѣпнія
Пшички зимней порой? или подъ бременемъ

Тяжкой скуки спрадаешь?

Спушанъ сѣшью заботъ лихихъ?—

Сбрось ихъ юноша съ плечъ! живи независимо
Долженъ поить, кто любимъ чистыми Музами:

Долженъ живи—наслаждайся,

И не щепино въ груди пишати

Огнь, вліянный въ него небомъ, на то чшобы

Жаръ свой въ ближнихъ сердца, свѣтъ свой въ умы
ихъ лиль—

Волковъ! о, поѣспиже

Кругъ прияшный друзей пвоихъ.

Въ ономъ можешь забыть всё что крушитъ тебѣ;

Можешь перебирать рѣзвыми перстами

Лиру: сладкія пѣсни

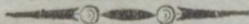
Пѣть: любовь и весну хвалишь!

Пусть Декабрь оковалъ воды, въ снѣга зарылъ

Лугъ, на коемъ цвѣли розы и ландыши;

Чашы налиты пуншемъ,

Щоки дѣвушекъ лучше розъ!

VI

ПЛѢННИКИ,

идиллія.

v—v—v—v—vv

Однажды на Циперскомъ островѣ
 Шалунъ Амуръ съ своею братьею
 Рѣзвился цѣлой день до успали;
 И наконецъ унесъ у мапушки
 Тихонько поясъ—побѣждалъ съ нимъ въ лѣсѣ,
 И скомкавши его подушечкой,
 Постлалъ подъ голову, и легъ уснуть.
 Случись гулять шунъ Хлоѣ съ Дафнисомъ,
 И набрели они на спящаго:
 Дивятся мальчику прекрасному
 Кошорый подъ кустомъ на шпавкѣ спитъ
 Съ полузакрытыми глазѣнками.
 Онъ на бокъ легъ; одна щека его
 Въ подушку мягку погрузилася,
 Другая жъ выкашлась яблочкомъ,
 На коемъ пурпуръ разливаеися;
 И крошко рошикъ разсплоривши свой,

Онъ дышетъ сладостной амврозіей.
 Паспушка и паспухъ не знаютъ что
 Начать!—уйши ли имъ, оспаться ли!
 Дитя такое миловидное;
 Какъ онъ зашелъ сюда?... какія онъ
 Имѣетъ золотыя крылышки!
 Тутъ обратились взоры Хлоины
 На поясъ—ахъ, какой узорчатой!
 Что, еслибъ ближе разглядѣть ево;
 Но пише, чтобъ не разбудишь дитя.
 Она тихонько наклоняется
 Съ сильнопрепещущею грудію,
 Но въ замѣшательствѣ допронулась
 Не до подушки, до щеки его.
 Онъ вздрогнулъ, вострепенулся крыльями,
 Поспѣшно вспалъ, взялъ поясъ мапушкинъ
 И паспуха связалъ съ паспушкою;
 Потомъ, съ усмѣшкой поржесивующей,
 Ликуя, прыгая отъ радости,
 Повелъ своихъ къ Венерѣ плѣнниковъ,
 Которые познавъ пріятность узъ,
 Безъ всякаго сопротивленія
 Текли за милымъ побѣдителемъ.

VII

къ прехмѣсячной дѣвочкѣ

Когда она на рукахъ матери слала.

1802

Намедни я зашелъ къ Кларисѣ въ гости,
 И что увидѣлъ я!
 Красавица, пріятно улыбаясь,
 Съ малюшочкой сидишь.
 У милой матери на груди нѣжной
 Дитя сномъ тихимъ спишь;
 Она его косыночкой прикрывши,
 Въ объятіяхъ своихъ
 Тихохонько качаешь будно въ люлькѣ,
 И сморишь на нево—
 О спи! воскликнулъ я въ восторгѣ сладкомъ,
 Спи, милое дитя!
 Покуда маминька у сердца держишь
 И за тебя не спишь.
 Теперь ничто тебя смущишь не можешь
 Въ невинности пвоей;
 Прощанешься къ сосцамъ—и невозбранно

Амвросію ихъ пьешь;
 Завопишь ли—тебя ласкаетъ, тѣшишь,
 Кларисинъ нѣжный гласъ,
 Она прелестными руками нянчишь
 И пользуется тебя——
 Дай богъ, чѣмъ Капашенька, пришедши въ возрастъ,
 Ты впроее воздала
 Ощущу и матери за всѣ старанья
 Была бы въ радость имъ!
 Дай богъ, чѣмъ разцвѣла душой и тѣломъ,
 Какъ аленькой цвѣшокъ;
 Тогда, о Капашенька, пому достанься
 Кѣмъ будетъ такъ какъ ты,
 Чувствившелекъ и добръ, пригожъ и молодъ,
 Чѣмъ онъ тебя собой,
 Себя побой на вѣки оцаслдивилъ,
 И маминькѣбъ дала
 Ты полную горницу прекрасныхъ внучатъ
 Такихъ какъ ты теперь!

VIII

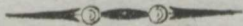
ПОЛИНЬКА,

Элегія.

{ vv—vvv—vv }
 { vv—vvv—,vv—vv }

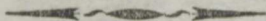
Пусть другіе хвалятъ Кіевъ градъ,
 Или матушку Москву бѣлокаменну,
 Или Тулу, или Астрахань,
 Или Низовски края хлѣбородные;
 Не прельстятъ меня ни тихій Донъ,
 Ниже Волга, сто градовъ напаяюща:
 Всѣхъ пріятнѣ Невы рѣка,
 На берегахъ ея живешь моя Полянка.
 И спруи ея лазоревы
 Часто Полянкѣ моей служатъ зеркаломъ:
 Днемъ ли черпаешь прохладу въ нихъ,
 Или ушромъ красоти омовеніе—
 Вспавъ съ зарей, она къ окну идетъ
 Между розами вдохнуть свѣжести ушренню;
 Днемъ изъ терема опцовскаго
 Въ легкомъ плащѣ спѣшитъ въ зеленъ садъ гулять,

Тихимъ вечеромъ любишься
 Вдоль по каменнымъ мосткамъ; но охотнѣе
 Въ пишицѣ шѣнистой рощицы,
 На цвѣтущихъ островахъ ходишь Полинъка;
 То съ любезными подругами,
 То задумчиво одна одишенька.
 Въ свѣшлорусыхъ волосахъ ея
 Перехваченныхъ вѣнкомъ, легкой рѣзвится
 Вѣперчикъ; назѣваешь ихъ
 На прекрасныя плеча, на высокую грудь,
 Прохлаждаешь щочки алыя,
 И дерзаешь——о, когдабъ вѣперкомъ я былъ!—
 Но на шравку сѣла Полинъка,
 Устремила воздохнуть на Неву свой взоръ:
 Ахъ, по комъ вздыхаешь милая!
 Ошъ чего сія слеза въ воду канула!—
 Не о суженомъ ли думаешь,
 Не гадаешь ли уже о злѣшомъ кольцѣ?...
 Еслибъ мнѣ судьба позволила
 Сцѣловать съ пивоихъ ланишь слезы дѣвичьи,
 И прижавъ мое рѣшивое
 Сердце къ сердцу пивоему—перенялъ пивой вздохъ!

ЛИСТОПАДЪ и ЦВѢТЕНЬ

1804.

Здравствуй златое на западѣ солнце,
 Послѣ осенняго, скучнаго дня!
 Вдругъ разогнавши зависныя пучи,
 Бросило свѣтлый ты взоръ на меня!

Я вспоминаю весенни
 Дни золотые;
 Тѣшусь, живу воспоминаньемъ
 Радостей прошлыхъ!

Такъ!—*настоящее* есть
 Неосязаемый пунктъ.
 Вѣчная Благость смертнымъ дала
 Въ *будущемъ* жить, и въ *минувшемъ*.
 Двухъ имъ послала спутницъ,
 Прекрасныхъ Фанпазіи дочерей,
 Надежду и Памяшь.

Одна передъ нами во мглѣ нерѣшимой
 Высоко держишь свѣтильникъ,
 Путь усыпаетъ цвѣтами,
 И нудишь гордый разсудокъ

На помочахъ легкихъ

Ишли за собой—

Но часто и встрѣчные вихри

Ошъ насъ опрыскають ее:

Едва оспаетися намъ видень

Пылающій факель ея,

Какъ звѣздка вдали.

Сеспраже ея неоплучно

За нами слѣдишь,

Какъ даровитая осень,

Въ вѣнцѣ изъ колобьевъ,

У сердца держишь снопы,

Прилѣжно цвѣши и плоды собираешь,

А плевель и шерніе топчешь ногой!

Здравствуй же солнце златое

Въ дни Листопада!

Ты представляй мнѣ живѣе

Радостный Цвѣпень!

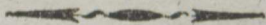

X

УСЛАЖДЕНІЕ ЗИМНЯГО

ВЕЧЕРА

1803.

Изолью ли на бумагу
То что чувствуешь мой духъ!
Я блаженъ неизъяснимо,
О мой милой другъ!

Здѣсь подъ вечерокъ безопасно
Я разкинувшись сидѣлъ;
Яснымъ окомъ и довольнымъ
Предъ себя глядѣлъ.

Вкругъ меня природа влаетъ,
А вомиѣ цвѣшетъ она;
Для другихъ зима настанетъ,
Для меня весна!

Грудь моя свободно дышетъ
Чувствомъ здравія горю . . .
И небесное явленіе
Предъ собою зрю:

Бѣлымъ плащемъ спань окпнувъ,
 Легкой поступию пришла,
 И овалъ лица прекрасный
 Видѣшь мнѣ дала.

О какая гармонія
 Въ рѣдкій сей ансамбль³ влила
 Сладкая улыбка кроешъ
 Розовы уста,

Изъ которыхъ я услышалъ:
 „Здравствуй милый мой пѣишь!
 Знаешь ны съ Музою въ бесѣдѣ,
 Чшо твоей веселъ видъ.“

О Филлида! я въ восторгѣ,
 Я теперь совсѣмъ пѣишь;
 Ибо Грація и Муза
 Предомной спойишь!

XI

ЭПИТАФИЯ⁴⁾

Михаилу Ивановичу Козловскому.

Здѣсь Козловскаго гробъ, ваятеля—юный ху-
дожникъ!

Съ чувствомъ облобызай славнаго мастера ликъ,
И изъ урны къ себѣ вызывай Козловскаго геній,
Илиже оный лови въ произведеньяхъ его:

*

Въ сладкихъ ли мысляхъ надъ бабочкой юная Психе
мечтаешь,

Или Эрошовъ брань, нѣжный горитъ Гименей,
Въ мягкой работѣ рѣзца—даешь ли рѣзецъ сей
Ираклъ

Править Фракійскимъ конемъ, челюсти львины
шерзашъ;

Россій ли явленъ Иракль, Царей защитникъ Суво-
ровъ!

*

Спашь предъ образы нѣ—въ нихъ-то Козловскій
живешь!

XII

ВЕСЕННЕЕ УТРО.

Э К Л О Г А,

Миртиль и Дафнисъ.

Дафн. Откуда съ посошкомъ Миртиль

Бѣжишь такъ рано предъ зарёю?

Мирт. Меня пы Дафнисъ приманилъ

Звѣнящихъ струнъ швоихъ игрою;

Я не спалъ,—съ часъ уже, какъ сонъ опгъ глазъ моихъ

Былъ свѣянъ въперкомъ прохладнымъ:

Молчало всё, и лѣсъ былъ тихъ;

Я слушалъ долго ухомъ жаднымъ

Кто первый звукъ издастъ—и вопъ

Нашъ Дафнисъ прежде птицъ поётъ.

Дафн. Садись, мой милый, здѣсь—послушай; мнѣ
внушаешь

Природа Маю гимнъ.

Не долго было ждать—въ лѣсочкахъ начинается

Пернатыхъ хоръ брашь верхъ надъ пѣніемъ моимъ.

Изшедъ изъ сѣней шалаша,

Стою съ желаніемъ на прагѣ,
 Да окупається шеперь моя душа,
 Любезный мѣсяцъ розъ, въ ширей ээирной влагѣ!

Смотрю вокругъ: уже предшественница дня
 Чершою пурпура цвѣшишь обзоръ небесный,
 И пучемрачну ночь передъ собой гоня,
 Ее во Адовы женещь заклепы цѣсны.

Се, среброное на дальныхъ горъ хребты
 Вешупило ушро, ликъ осклабя свой злашый.
 Но долъ и лѣсъ еще въ шуманѣ ронъ вкушающъ,
 И нѣжной почкою одѣяны цвѣшы
 Зефирамъ прелестей своихъ не обнажаютъ—

Росою между шѣмъ медвяной омовенны,
 Сколь шрепечно они злашаго солнца ждущъ!

Ахъ, ждущъ,
 Чшобъ поцѣлуй его живишельный, священный,
 Разкрылъ въ нихъ подную благоуханьемъ грудь.

И се свершается—оно взошло; съ окружныхъ
 Предметовъ мрачная завѣса имъ снята—

Простерлась въ высопахъ воздушныхъ
 Смѣющаяся синеша.

Въ опшѣфикахъ зелени пріятной
 И въ полномъ цвѣштѣ лѣсъ и лугъ;
 И нѣдро Теллы благодатной
 Орющихъ ощутило паугъ.

Усѣялось спадами поле,
 И роща паснуховъ зовещъ,

Гдѣ ппичка радуешя волѣ,
И красную весну поешъ.

Мирт. Прекрасно—пѣснь пивоя сладка какъ медъ;
вѣ ней сила
Огниспыхъ винъ, вѣ ней шокъ прохладныхъ ручей-
ковъ.

Не Муза ли шебя Пимплейская учила,
Или сама любовь?—

Любовь, я слышала, ешь всегдашняя подруга
Зефирамъ и цвѣшамъ, и безъ любви весна
Былабъ не шакъ красна.

Вчера мнѣ на пригоркѣ луга
Случилось сѣспъ, и шамъ мой спаршій братъ си-
дѣлъ

Съ Аглаею---онъ ей объ эпомъ пѣснию пѣлъ;
Я помню лишь конецъ: спою, коли угодно.

Дафн. Послушаю охотно.

Мирт. „Ахъ, у кого другъ милой ешь,
„Топъ можешъ пѣшь весну!
„Ешь съ кѣмъ весенни дни провесъ,
„Съ кѣмъ чувствовашъ ему;
„Не на вѣшеръ вѣночикъ сплесъ,
„Въ лугахъ не одному
„Подъ пѣнь, на мягку правку сѣспъ:
„Вѣдь у него другъ милой ешь!

„Онъ можешъ пѣшь любовь и радостну весну,,

Дафн. И ты прекрасно спѣлъ.—конечно,
Весна любовью цвѣшетъ,

И воспѣвашъ ее одинъ лишь можешъ шопъ,

Въ комъ чувствіе сердечно
 Разверзну для красонъ—
 И пусть все милое проходишь скороспечно:
 Когда успѣемъ лишь понасладишься имъ
 Хоть мигъ—не будемъ ли равны Богамъ самимъ?
 Блаженство безконечно
 Мы въ мигъ одинъ вмѣстимъ!
 Вонъ идетъ рѣзвый полкъ красавицъ въ лѣсъ гуляшь,
 Вліянье Маіа принимаешь.
 И мы шуда, Миршилъ!—смотри: уже палящи
 Свои къ намъ солнце шлешь лучи съ небовысопъ;
 Томятся жаждою воды бродящи,
 И бѣлый агничъ сонмъ прохладныхъ ищешь водъ.

XIII

сшансы

КЪ ХРИЗАНΘУ.

1805 года.

Чѣмъ прекраснѣе цвѣточикъ,
 Тѣмъ скорѣе вянешъ онъ.
 Ахъ, на часъ—на малъ часочикъ
 Нѣжный Сильфъ въ него влюблѣонъ:

Какъ увянешъ,
Онъ преспанешъ
Въ немъ искашь ушѣхамъ тронъ!

*

Шаспливъ, ежели посѣянъ
Онъ на лучший кряжъ земли;
Крошкимъ вѣперкомъ обвѣянъ,
Не увѣдалъ ранней шли;
Хладу, зною,
Надъ собою
Не увидишь николи!

*

И изъ нѣдръ своихъ прекрасныхъ
Изливая райскій духъ,
Не сполнишь однихъ лишь праздныхъ
Трушней, гусеницъ и мухъ;
Въ вѣкъ свой крашкѣй,
Будешь сладкѣй
Медониворнымъ пчеламъ другъ.

*

Нынѣ ты, Хризанѣ мой милый,
Розою любви цвѣтешь:
Огненной исполненъ силы,
За вершну сладчайши льешь
Ароматы—
Силѣ прапы
Будшо вѣкъ не наживешь!

Нынѣ радость златокрила
 По швоимъ паримъ слѣдамъ;
 Роскошь съ Вакхомъ учредила
 Пиръ ликующимъ госпямъ;
 Одръ ночлега
 Спелешъ нѣга
 Упомлейнымъ рѣзвостямъ.

*

Ахъ, да будешь сонъ ихъ дологъ,
 Упоительны мечты!
 Уширо, сквозь шафтяный пологъ,
 Пусть въ объятяхъ красоны
 Ихъ застанешъ;
 Поддень взглянешъ
 На измятые цвѣты!

*

Пользуйся часовъ любимецъ
 Жизнию—но не забудь,
 Что небесный сей гостинецъ
 Безъ примѣсу не даюшъ
 Смертнымъ Боги,
 И что спрогий
 Съ онымъ смѣшивають шрудъ,

*

Если въ жершву не положишь
 Предъ Минервой благъ своихъ
 Должну часъ—не долго можешь

Надмевашься видомъ ихъ.

Но ошуди

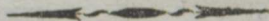
Въ сѣнь эгиды—

И не бойся Гарпій злыхъ!

XIV

ПИСЬМО О ЩАСТІИ,

къ М. А. Иванову.

Во время, влору, кстати,

Войтъ Щаспія девизъ.—

Ивановъ, что есть щастье?—

Имѣшь покровъ въ ненастье,

Тепло во время спужи,

Прохладну тѣнь отъ зною;

Голодному хлѣбъ-соль,

А сытому надежду

На застрешнее благо;

Сегодняжъ, увѣренъ

Что совѣсь въ немъ чиста,

Что онъ пріятенъ людямъ,

Друзьямъ своимъ любезенъ,

Младой подругѣ милъ;

Что онъ, не зная рабства,
 Не обинуясь, можешь
 Работашь, отдыхаешь,
 Копаешь и разпочаешь,
 Во время, влору, кстати.

Но кто научишь насъ
 Всѣ дѣлать влору, кстати?
 Никто иной какъ сердце,
 Какъ собственное сердце:
 Оно должно вести
 Насъ бережно и ловко
 Какъ хилырыхъ балансёровъ
 По оной тонкой нити,
 Кошпоя зовещя
 Во время, влору, кстати.
 Протянуша надъ бездной
 Сія чудесна нить;
 Надъ темной бездной скуки,
 Душевной пустоши:
 Гдѣ примешь насъ зѣвоша,
 Положатъ спать болѣзни,
 И отвращенье въ лѣдяныхъ
 Объявіяхъ моришь.

Но какъ намъ уберечься,
 Чтобы шуда не пасишь!
 Спроси у философовъ;
 Одинъ шебъ швердишь;
 „Не слушайся ты сердца,
 А слушайся ума;

Сего имѣй вождемъ!,,
 Другой велишь напропивъ,
 А шрепій... но не спанемъ
 Одни слова ихъ слушаешь;
 Посмотримъ, какъ они
 Съ хвалѣнными вождями,
 Въ примѣръ предъ нами пойдушь—
 Ахъ бѣдныя! въ болопо,
 На кочки, въ грязь лицомъ!

Кто велъ ихъ—умъ безъ сердца?
 Иль сердце безъ ума?
 Ахъ, можешь бышь и оба;
 Но омраченны живымъ
 Виушеніемъ Сиренъ,
 Внушрьюду заглушили
 Природы гласъ—*инстинктъ*,
 Законъ *лоры и стати*.

А мой совѣшь шаковъ:
 Умъ съ сердцемъ согласи;
 Но болѣе впорому
 Всегда послушенъ будь,
 Зашѣмъ что въ немъ природа
 Свой виѣдрила инспинкшъ.

Конечно—умъ есть жезль,
 Къ кошпорому должны
 Привязывашъ мы сердце,
 Какъ виноградну лозу
 Къ пычинкѣ—чтобы вверху

Росла, не въ прахѣ бѣ сплалась:
 Но можешь вѣдь лоза
 Прожить и безъ пычинки—
 Хотя и дико, криво:
 И плодъ нести—хоть горькій!
 Тычинкажъ безъ лозы
 Дреколье лишь сухое;
 Таковъ безъ сердца умъ.

Но мы ума не презримъ—
 Когда ведешь насъ сердце
 Естественной спезёю,
 Тогда ищи уму
 Предъ нами со свѣчю—
 Авось либо мы эдакъ
 Съ пуши не соврашимся,
 Держась *поры и стати*,
 На шомъ балансируя.

Прими, любезный другъ,
 Сіе мое кропанье
 Безъ связи, безъ начала
 И безъ конца—ты видишь!
 Но мнѣ какая нужда;
 Я вылилъ на бумагу
 Всё то, о чемъ съ тобою
 Вечоръ мы полковали.

XV

ПРИ ИЗВѢСТІИ О СМЕРТИ
ШИЛЛЕРА.

Куда сокрылся ты, Божественный,
Съ пвоимъ огнемъ живошворнымъ!

Оставиль ли оный кому?

Чьи нынѣ смѣлые персты шронуть

Твою Орфическую лиру,

Услаждене ушесъ и радость сердца?

И кто обуешъ пвой коштурнъ,

Сущую обувь Аппическихъ Музъ,

Мельпомены и Таліи,

Иначе зовомыхъ

Сильная, поучительная *Истина*,

Небесная, плѣняющая *Красота*.

Ахъ! съ самага Неба

Къ чадамъ земли ты посланъ былъ,

Да не падуть они духомъ,

Утѣшителемъ бытъ и крѣпкимъ вождемъ

И сладкимъ пророкомъ изящности!

И ты свершилъ свое посланіе:

Ни крашкостъ дней своихъ, ни гоненье Тиранновъ,
Не воспящили тебѣ, о Геній!

Щедро излишь изъ разжженного Небомъ сердца
То

Чего многіе вѣки

Ждали;

Чего многимъ вѣкамъ

Не дано чувствовашъ.

Блаженна Германія, родившая тебя;

И языкъ Тевтоновъ,

Его же ты обизыщеслововалъ и увѣковѣчилъ—

Ты, и предсечи свои Виландъ и Гёте,

Славный Триумвирашъ!

Когда Клоппшокъ,

Серафимскими владѣй крылами,

Скрывался въ пареніи горнемъ,

Тогда Виландъ пушемъ дольнымъ ликулъ,

Тевтонскую Музу по цвѣшамъ Элады

Ко храму Грацій повель.

Гёте, собственные ей показавъ цвѣшы,

Прекрасные и благоуханные;

Явился Шиллеръ,

Факель неся Промесеевъ,

И въ каждый цвѣшокъ

Душу вліялъ.

Творенія Шиллера

Будущъ цвѣсти въ вѣкахъ,

Какъ въ аерѣ любезное солнце.

Но гдѣ онъ самъ?

Сей умъ исполинскій
 Испылялъ ли онъ роковаго дыханія смерти,
 Какъ холмъ снѣгу
 Опъ вѣснихъ зефировъ?
 Сіе огнемъспилище чувствъ (увы намъ бѣднымъ!)
 Червями снѣдаемо;
 Сей сосудъ амврозіи
 Сокрушенъ и погранъ плѣніемъ!
 Но чувства гдѣ теперъ?
 Куда проліялась Амврозія?
 Не повѣрю, не повѣрю,
 Чѣмъ Божественное было преходяще:
 Ты здравствуйешь Шиллеръ!
 Такъ—здравствуй, здравствуй на небесахъ,
 Гдѣ проспирають къ тебѣ объятія днесь
 Любви ненарушимой,
 И дивномысленную открываютъ бесѣду
 Съ вожделѣннымъ пришельцемъ,
 Оные Духи славы,
 Всякую шамо опложши зависѣ,
 Эсхиль и Эврипидъ съ Софокломъ,
 Корнель съ Расиномъ
 И Шекспиръ.

XVI

ШИШАКЪ,

идиллія.

(Подражаніе Дорату)

Марсъ въ объятіяхъ Киприды
 Забываль кроваву брань:
 Около прелесной выи
 Ласпилася мощна длань;
 Грудь, швердѣйшую мешалла,
 Взоръ Венеринъ разпопилъ;
 Сладкому огню Эроша
 Жаръ сраженій уступилъ—
 Вкругъ чемы богоблаженной
 Рѣзвился любовью рой;
 Марсовъ мечъ, копье дебело
 Служишъ шалунамъ игрой.
 Разпаскали всё оружье
 Веселясь добычѣ сей:
 Нами Марсъ обезоружень!
 Въ нашей власни богъ смертей!
 Вся забылася природа
 Посредѣ ушѣхъ и игръ.
 Подлѣ агницъ беззащитныхъ

Засыпаль свирѣпый пигрь;
 Яспребъ горлицамъ на вѣшкѣ
 Цѣловашься не мѣшалъ,
 И, казалось, самый воздухъ
 Тонкимъ пламенемъ дышалъ.

Но Марса вдругъ опять зоветъ
 Звукъ шрубъ, орудій гласъ гремѣщій.
 Лешить побѣда; подаетъ
 Ему копье и щипъ блестящій.
 На коемъ изваянь герой
 Презрѣвый сладкія забавы,
 Томящу нѣгу и покой,
 Для многошрудныхъ лавровъ славы:
 Свой долгъ на ономъ Марсъ прочелъ;
 Ошпорился опѣ любви, воспрянулъ и лешѣлъ
 Вооружить себя—но въ шишакѣ блестящемъ,
 У ногъ Богининыхъ лежащемъ,
 Ахъ, что военный богъ узрѣлъ?...

Гнѣздо двухъ нѣжныхъ горлицъ—
 Онѣ подъ сѣнью крылій
 Усыпили пшенцовъ:
 Другъ друга милованье,
 И сладко воркованье,
 Троякая любовь!
 Какая власиъ посмѣетъ
 Тронуть рукою дерзкой
 Ковчегъ святыни сей...

Оспановился Марсъ—дивился, смотришь,
 Смягчается при видѣ сей чешы:

Уже его и слава не плѣняетъ;
 Онъ спрасивно палъ въ объятія Красоты,
 И гласу трубъ зовущихъ не внимаешь.

Велѣнемъ матери своей
 Амуры всѣхъ опшоль погнали
 Липаврищиковъ и прубачей,
 И всѣ орудія попрали
 Сихъ нарушишелей ушѣхъ;
 А вмѣсто грубыхъ звуковъ шѣхъ,
 Злашья лиры и цѣвницы
 Любезный миръ превознесли.

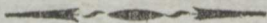
*

Не Афродитины ли пщицы
 Тогда ошъ браней свѣшъ спасли?

XVII

ПРОГЛОЧЕННЫЙ ЛЕЛЯ.

(Изъ Антологiи)

Леля, мастеръ превращаешь,
 Нѣкогда надъ алой розой
 Мошпылькомъ лепалъ.

Я тогда не долго думалъ,
 Но подкрался, и лихова
 Хватъ божка поймалъ.
 Не уйдешь теперь проказникъ,
 Молвилъ я, и бросилъ въ рюмку:
 Помони въ винѣ!
 Но не радъ я спалъ побѣдѣ,
 Только лишь я рюмку выпилъ,
 Весь горю въ огнѣ.

XVIII

Три царства природы.

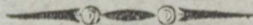
(Подражаніе Лессингу)

За рюмкой вспало мнѣ на умъ,
 Зачѣмъ природа вся въ трехъ царствахъ.
 Удѣлъ животныхъ есть: любить
 И пить. — Орелъ, дельфинъ и муха,
 И червь и крошъ и человекъ,
 По своему всякъ пьеть и любить.
 И такъ: кто любитъ и кто пьеть,
 Поспавленъ въ первое царствѣ пошъ.

За симъ, не шакъ уже хорошо,
 Второе царство прозябеній;
 Любишь не можешь— только пить.
 Всему, отъ Кедръ до Вссопа,
 И ананасу и грибу,
 Питьё идешь въ дождѣ небесномъ.
 И шакъ: не любишь кшо а пьёшь,
 Въ *другомъ* поставленъ царствѣ потъ.

А претъе прочихъ двухъ бѣднѣй,
 Есть ископаемое царство—
 Алмазъ и щебень, всё равно:
 Не чувствуютъ любви и жажды.
 И шакъ: что каменно расщепъ,
 Не любишь никогда, не пьёшь,
 Все шо мы въ *третьемъ* царствѣ числимъ.
 И впрямъ, коль про себя помыслимъ:
 Лишишь любви, лишишь вина,
 Что будетъ человекъ—спѣна!

XIX

АХЕЛОЙ ВАКХЪ и ВЕРТУМНЪ.

(Подражаніе Рамлеру 5)

Ахелой.

Мной, Океановымъ сыномъ, ударившимъ въ скалы,
испѣченъ

Шумный въ поля водопокъ.
Вся Акарнанія пѣмъ напоенная, въ даръ принесла
мнѣ

Много, цвѣтовъ и плодовъ.

Вакхъ.

Мной, Зевесовымъ сыномъ, изъ прутьевъ полуиз-
сохшихъ

Сладостный выращенъ гроздь.
Онаго соку испивъ Θракійскій пастырь, въ восторгѣ
Добраго бога воспѣлъ.

Ахелой.

Среброчешуйные сонмы питаю, и раковинъ груды
 Струй благошворныхъ на днѣ!
 Жажду звѣря полю; напаяю агичее спадо,
 Спадо мычащихъ воловъ.

Вакхъ.

Я выжимаю плоды густолиственнныхъ лозъ вино-
 града,
 Людямъ опраду принесть,
 Удоломилъ боговъ, о праздникахъ, жерпѣ възліянъ-
 ми;
 Тыже, будь пойломъ скопу.

Ахелой.

Всѣхъ я жизнь содержу—кровей и ранъ къ омо-
 венью;
 Чистъ и врачобенъ шеку,
 Пей селянинъ мою воду, и будь царя долговѣннѣй,
 Коего Вакхъ оправилъ!

Вакхъ.

Истинный я даровашель жизни, убійца же скоръ-
 би,
 Сущей оправы сердець.
 Царь насладивыйся мною, себя почувствуешь бо-
 гомъ;
 Рабъ превратишся въ царя.

Ахелой.

Предомной обнажаются робкія дѣвы, купая
 Тѣло въ прозрачной струѣ;
 Видѣшь всѣ красоты и всѣ ихъ дѣвичьи игры,
 Спряшанъ лежу въ шросшникѣ.

Вакхъ.

Дѣвушки робкой къ устамъ поднесу бокаль некро-
 мешный:
 Гдѣ ея робость тогда?
 Между шутокъ и игръ, не увидишь что пылкій
 любовникъ
 Поясъ ея развязалъ.

Ахелой.

Другъ! сочetaй мою воду съ твоимъ столь силь-
 нымъ напишкомъ.
 О вожделѣнный союзъ,
 Ежели радуешь жизнь вино—вода же спасаетъ
 Радость сію отъ вреда!

Вакхъ.

На! подлей къ твоей урнѣ, мой бѣдный, зяблый со-
 дружникъ,
 Мѣхъ сей съ огнистымъ виномъ. ———
 Тѣмъ бы продлишь намъ вкуса роскошь и здравіа
 цѣлостъ
 Съ сѣнію крошкого сна!

Вертулибъ.

Въ вашемъ союзѣ, о спорники! мнѣ позволѣте быть
прешымъ.

Выжму вамъ сихъ золопыхъ
Яблоковъ кислый нупрь; но прежде въ новомъ на-
пишкѣ

Сей разтворите песокъ,
Твердъ и блестящъ какъ снѣгъ (изъ сладкихъ выва-
ренъ проспій

Нимфами Индуса онъ) —
Крѣпкій, опшудажъ добышый спиртъ, въ сосудѣ
кристальномъ

Здѣсь у меня започенъ:
Капли двѣ при того прибавивъ, опвѣдайте! —
знайтежъ

Съ симъ превращеннымъ виномъ
Я подольспился къ Помонѣ — въ видѣ юноши прежде
Доступу къ ней не имѣвъ,
Въ видѣ старушки доброй легко привелъ на попойку,
Легче привелъ на любовь.

БРАТУ и СЕСТРѢ,

ошмѣнно пригожимъ, но кривымъ.

(Съ Латинскаго б)

Правымъ глазомъ Ванюша, Надинька лѣвымъ не
можешь;

Впрочемъ плѣняють они оба пригожствомъ
своимъ.

Ваня голубчикъ! ошдай-ка сесприцѣ глазъ свой здо-
ровый:

Будеть Венерой она—будешь Амуромъ слѣ-
пымъ!

ИЗЯЩНѢЙШІЕ ФЕНОМЕНЫ

(изъ Шиллера)

Видѣлъ ли ты красоту которую борются спра-
данья?

Если нѣтъ—никогда ты Красоты не видалъ

Видѣлъ ли ты на прекрасномъ лицѣ написанну ра-
дость?

Если нѣтъ—никогда Радости ты не видалъ

XXII

Сафо

—v —v —vv —v —v }
 { —v —v —vv —v —v }
 { —v —v —vv —v —v }
 —vv —v

О Хариты! нынѣ ко мнѣ склонитесь,
 Афродитинъ радостный зронъ оставивъ;
 Вы къ Фаону милому понесите
 Сафины вздохи!

Музы! васъ прошу я, Сирень Пермесскихъ!
 Дайте Сафѣ вашего пѣнья сладость!—
 Ты, уныла лира! служи мнѣ нынѣ
 Опзывомъ сердца!

Омраченну грозною тучей небу,
 Дубъ нагорный столько ударамъ вихря
 Не подвержень, сколько мое бѣмо
 Спирасію сердце.

Гдѣ дѣвались красные дни когда я
 Зрѣла друга милого мной плѣненна...
 Ахъ! шеперь не только любви лишаетъ,
 Даже воззрѣнья.

Я подругѣ вѣрила и любила,
А она мнѣ люшой измѣной плашишь;
Льсшишь въ глаза, но сердцу наносишь рану
Неизцѣлиму.

Но пускай Фаону въ ея объятяхъ
Будешь рай!—не всѣ ли сердца подъ властью
Держишь ты мой милый! вкушай блаженство
Чуждое Сафѣ.

Мнѣ любишь себя, а себя бышь милымъ
Жребій данъ:—однажды, еще бывъ ошрокъ,
Ты въ вѣнкѣ изъ розъ, по водамъ кристальнымъ
Лодочку правилъ.

Вдругъ Киприда съ берегу, въ видѣ смертной,
Просишь чпобъ ее превезли объ онъ полъ:
Ты ей мѣсто далъ, и повезъ съ ней Грацій,
Игръ и Амуровъ.

Взоромъ ты своимъ приманилъ Амуровъ,
На уста къ тебѣ прилетѣли смѣхи,
Окруживъ Хариты тебя пріятно
Поцѣловали.

Красоту тогда ты пріять въ награду.
„Мальчикъ милый, молвила Афродиша,
„Умашень амврозіей, будь отнынѣ
Всѣхъ пригожѣ!„

Слыша шо Эротъ, воздохнулъ ревниво;
Я случилась шамъ; онъ спрѣльнулъ мнѣ въ сердцѣ.

„Красоту Фаона превзойдетъ, рекъ онъ,
„Сафина нѣжностъ!,,

Ахъ, а ты жестокій меня покинулъ
Въ злой шокѣ; скажи мнѣ, чего желаешь?
Чѣмъ любовь тебѣ доказать?—пустишься
Въ дикія степи?

Въ волны морь?... пойду и на край вселенной;
Я на всё готова, тебѣ въ угодность:
Для тебя дерзну Цитерейнъ поясъ
Съ неба похищать;

Чтобъ сплестися намъ неразрывной цѣпью,
Сердце съ сердцемъ сжать, и уста съ устами.
Ахъ! по всѣмъ моимъ прошекаетъ жиламъ
Пламя любви!

Горе мнѣ! Несчастливая, льстишься вшунѣ:
Ты не сыщешь счастья, ищи покоя;
Здѣсь онъ ждетъ тебя, усыпитель скорбей
Камень Левкадскій!

XXIII.

ОДЫ ИЗЪ ГОРАЦІЯ')

I

Къ Калліопѣ.

кн. 3^{ей} ода IV. *Descende coelo, &c.*

	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i>	
	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i>	
	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i>		
	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>vv</i>		

Сойди съ небесъ, Царица Калліопѣ!
 Безсмертнымъ пѣніемъ свирѣль наполни,
 Или издай свой гласъ пріятный,
 Или ударь во струны Фебовы.

Чу!—слышителѣ?... либо я обманушъ
 Мечтаньемъ сладкимъ—гласъ ея и шорохъ
 Въ священной мнѣ внимаю дубравѣ,
 Въ журчаньи водъ, зефировъ въ вѣяньи.

Еще я опрокъ былъ: на Апулійскихъ
 Горахъ я упомясь, вздремалъ однажды

Опѣ игрѣ и бѣганья; въ то время
 Меня приосѣнили голуби

Святыя птицы.—И изъ сель окружныхъ,
 Изъ Ахеронціи и изъ Форентъ
 Народъ во множествѣ собравшись,
 Дивился чудному видѣнію

Что соннаго ни ползкій гадъ не пронуль,
 Ни хищный звѣрь—и что кругомъ закладенъ
 Святыми лавровъ миртъ вѣтвями,
 Не безъ боговъ отважный опрокъ спитъ.

Я вашъ, о Музы! вашъ я, гдѣ бы ни былъ,
 На высотахъ Сабинскихъ, иль въ прохладномъ
 Пренесѣ; Тибура ль пригорокъ,
 Иль Байи взморіе влечетъ меня!

Любителя Парнаскихъ водъ и хоровъ
 Ни бѣсѣ во Филиппахъ не сгубила,
 Ниже паденье древа злаго,
 Ниже въ Сиканскихъ Палинуръ волнахъ!

Ведомый вами я могу пустишься
 Въ пучину Босфора пловцомъ отважнымъ,
 И по степямъ Ассирскимъ, жаркимъ,
 Неупомимо пѣшешествовать;

Бригандцевъ видѣть, къ странникамъ суровыхъ,
 И пьющихъ конскую кровь Конкановъ звѣрскихъ,
 И невредимъ сквозь остры стрѣлы
 Гелонянъ—и сквозь Скиѣскій понтъ пещи!

Когда великій Кесарь послѣ прудныхъ
 Походовъ, по градамъ разсѣвшиъ воевъ,
 Онъ къ вамъ въ пещеру Аонійску
 На сладкій опдыхъ удаляется.

Благоопрядныя! совѣтъ вашъ кропокъ
 И добръ всегда—еще мы помнимъ буйныхъ
 Титановъ, коихъ сонмъ надменный
 Низложенъ, спертъ палацей молніей

Изъ длани Зевса, предержащей землю,
 Кропящей бурное въ предѣлахъ море,
 Имущей вся—и адъ во власти;
 Людьми, богами право правящей!

Хотя и зѣльный страхъ вселила Зевсу
 Сихъ облыхъ юношей распуща сила,
 Какъ ихъ два браша подвизались
 Поставишь Пеліонъ надъ Оссою!

Но что Тифей и броненосный Мимасъ,
 И что Порфиріонъ съ грозящимъ зракомъ,
 И Ретъ и Энкедадъ кичливый,
 Мешашель дровъ съ корнями вырванныхъ,

Противъ Палладиной эгиды звучной
 Могли содѣять? шамъ, къ сраженью жадный
 Сстоялъ Вулканъ—шамъ маперъ Ира,
 И рамо шуломъ украшающій;

Власы же разрѣшаяй боголѣпны
 Во омовеніи росой Каспальской,

Лѣсовъ Ликійскихъ покровишель,
 Апѳоллонъ Кинѳа богъ и Дѣлоса.

Премудрость! безъ тебѣ не въ пользу сила:
 Съ побоюже она когда въ союзѣ,
 Ей сами боги помогаютъ;
 Но посрамятъ самонадѣянье.

Свидѣтельствуютъ то, Гигантъ спорукій
 И оный оглашенный искушитель
 Діанинъ, Оріонъ—сраженный
 Стрѣлами дѣвы цѣломудренной.

Еще своихъ земля чудовищъ кроетъ,
 И сѣшуетъ, что ихъ небесна молнья
 Низслала въ Оркусъ—и не выѣлъ
 Доднесь надложенную Эшну огнь.

Ниже оставишь Типіеву печень
 Служитель мщенія клевать пернапый,
 И въ тріехъ спахъ лежишь оковахъ
 Прелюбодѣйство Пиріѳоево.

Къ Аполлону.

кн. I ой ода XXXI. *Quid dedicatum poscit
Apollinem. &c.*

О чемъ въ Аполлоновомъ храмѣ
Усердномолился Поэпъ,
При возкуренномъ еиміамѣ
Коль вина на олтарь ліешъ—
Не для него въ Сардинскихъ спѣшетъ
Благословенныхъ нивахъ рожь,
Ниже Калабрскимъ богатѣешъ
Руномъ онъ мягкимъ овчихъ кожъ;
Не просишъ онъ сокровищъ злата,
И зубье Индскаго слона,
И чшобъ угождать богаша
Земля ему была дана:
Нѣшъ; пусть другимъ Фалернскихъ гроздій
Воздѣлыванье ввѣришъ рокъ—
Купцы и корабельны госпи
Безцѣнный оныхъ выпьютъ сокъ:
На Сирски вымѣнявъ товары,
Изъ полныхъ выпьютъ чашъ злашихъ;
(Внегда фортунины удары
Щадашъ боголюбимцовъ сихъ,

И Поншъ невѣрный ихъ лелѣешь,
 Лелѣющихъ на корысть и смерть.)
 Мнѣ маслина одна довлѣешь
 И овощъ легкая во снѣдь.
 О Фебъ! дай смышленну и здраву
 Мое спяжанье мнѣ вкусишь,
 Не уронишь ввѣкъ добру славу,
 А паче, лиру не забышь.

3.

Похвала Меркурію.

кн. 1 ода X. Mercuri Facunde, &c.

О краснобай Меркурій, внукъ Ашланшовъ!
 Ты дикихъ былъ людей образователь;
 Успамъ ихъ подалъ рѣчь, шѣлодвиженьямъ
 Пріятну ловкость.

Ты будешь мной воспѣшь, боговъ посланникъ,
 Чрепаховую изобрѣшшій лиру;
 Ты всё что взглянется тебѣ, межъ шутокъ
 Искусно крадешь!

Тебѣ, дидяшѣ, грозно рекъ Аполлонъ:
 „Не скрыласьже пашьба воловъ...но видя
 Что и колчанъ пропалъ съ раменъ—спѣ гнѣва
 Прешель ко смѣху.

Не чрезъ тебя ли могъ Апридовъ гордыхъ
 Богатый обмануть Пріамъ подъ Троей,
 Сквозь вражій спанъ, сквозь всѣ огни и спражи
 Идущъ къ Ахиллу.

Благочеспивыхъ ты ведешь усопшихъ
 Въ поля блаженны—легкимъ сонмамъ тѣней
 Прешишь злалымъ жезломъ; любезенъ въ Горнихъ
 И въ Преисподнихъ.

4.

Къ Лицинію, о средспвенности,

кн. 2 ой ода X. *Rectius vives, &c.*

Равно безщасны, о Лициній,
 Кто щипишь плышь пропивъ вершины,
 И кто, спрашася слишкомъ волнъ,
 Близъ берега свой держишь чолнъ!

Ходяй серединою злашою,
 Не друженъ смерди съ черношою,
 Нижѣ зависный мещень взглядъ
 На веледѣіе палашъ.

Для дровъ высокихъ вѣспрь страшень;
 Главамъ превознесенныхъ башень
 Паденье злѣйшее грозитъ,
 И въ шема горь перунъ разитъ.

Но въ бѣдспвиі не унываетъ,
 А въ щасіи готовъ бываетъ
 Къ премѣнамъ рока бодрый духъ.
 Врашися вѣчно щастья кругъ:

Къ намъ зимы, весны дышуть съ неба!
 Всегда въ священной длани Феба
 Звѣнитъ въ погибель грозный лукъ—
 И арфы нѣжной слышенъ звукъ.

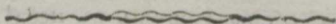
Будь пвердъ въ напасти, безбоязненъ!
 Но также, если вѣспрь пріязненъ
 Вздуть шуго парусы пвои,
 Благоразумно ихъ сberi.

Къ Меценату, о спокойствіи духа.

кн. 5 ей оды XXIX окончаніе, отъ стиха:

Prudens futuri temporis exitum. &c.

	v—v—v	—vv	—vv	
	v—v—v	—vv	—vv	
	v—v—v—v—v			
	—vv—vv—v—v			

Премудро скрыли Боги грядущее

Отъ нашихъ взоровъ шемною нощію;

Смѣясь чпо мы свои заботы

Вдаль проспираемъ. Но *то* предъ нами

О помъ помыслимъ: прочее сполькоже

Какъ Тибръ, ~~измѣнѣ~~ всякой подвержено;

Рѣка, впадающая въ море,

Тихо въ иной день, брегамъ покорно:

Въ иной день волны пѣнисты, мушныя,

Валяща; камни, корни срывающа;

Подъ спономъ горъ, дубравъ окрестныхъ,

Дѣмы, спада, уносяща въ море.—

Тотъ прямо щасливъ, царь надъ судьбой своей,
Кто съ днемъ протекшимъ можетъ сказать себѣ:

„Сегодня жилъ я—пусть заутра

Юпиперь черныя тучи кажетъ,

Или чистѣйшу ясность лазурную:

Но не изгладить то, что свершилось,

Ниже опымешь тѣ минушъ,

Кои проведъ я шеперь толь сладко.,,

Фортуна любитъ мѣны жесокія,

Играетъ нами злобно, и почесъми

Невѣрными даритъ; ласкаетъ

Нынѣ меня, а попомъ другаго;

А я безскорбенъ. Хочетъ ли инуда

Летѣшь: охотно всё возвращаю ей,

Своею доблестью одѣнусь,

Правду свою обыму и бѣдность.

Когда опъ бурныхъ вихрей шапаются

Со скрипомъ мачты—мнѣ не вымаливать

Себѣ драгихъ спяжаній цѣлость;

Мнѣ малодушно не класъ обѣщъ,

Чтобъ алчнымъ моремъ не были пограны

Мои товары дальнопровозные—

За то проѣду безопасно

Въ самыя бури на ушломъ бошѣ.

Къ Іулу Анпіонію, о Пиндарѣ.

кн. 4 ой оды II начало: Pindarum quisquis
studet aemulari. &c.

Кто Пиндару во слѣдъ дерзаетъ,
Тотъ восковымъ себя ввѣряетъ
Дедаловымъ крыламъ—
И имя опъ него оспаненся морямъ.

Какъ съ горъ рѣка бѣжитъ, проливнымъ
Дождемъ наводнена—такъ дивнымъ
Вѣспійспвомъ быспръ, широкъ,
Изъ Пиндаровыхъ успъ Поэзы рѣетъ токъ.

Не упразднишь вѣнецъ лавровый,
Ошважноль въ Діеирамбахъ новы
Онъ словеса родитъ,
И стихъ онъ всякаго размѣра свободитъ.

Боговъ ли пѣсню величаетъ,
Сыновъ ли ихъ онъ ополчаетъ
На достославный шрудъ,
Кеншавровъ и Химеръ ужасныхъ да сопрудъ.

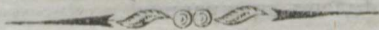
Тому ли кто въ Элидѣ спяжетъ
Награду поприщъ—онъ окажетъ

Везсмертной пѣснью Chesъ
 Которая шолповъ и шануйъ краше есть.

Или по юношѣ льешь слёзы
 Котораго поблекли розы—
 Его пріятность, нравъ,
 Возносишь ко звѣздамъ, изъ Оркоса изъявъ.

Всегда Дирцейскій лебедь равень,
 Легокъ въ пареньи; неослабень.
 Держась въ высохахъ—
 А я подоблюся пчелѣ, что на цвѣсахъ

По лугу злачному гуляешь,
 Со многимъ пицаньемъ собираешь
 Изъ разныхъ медъ соковъ--
 Тружусь надъ мелочнымъ сложеніемъ стиховъ.

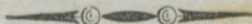

XXIV.

НА СМЕРТЬ ВОРОБЬЯ.

*(Подражанія Католлу)**v— vv— vv— vv*

Тужише Амуры и Граціи,
 И всё что ни естъ красовишаго!
 У Дашиньки умеръ воробушекъ!
 Её утѣшенье—кошораго
 Какъ душу любила и ходила!
 А онъ золошой былъ—онъ Дашу зналъ
 Такъ швердо какъ дѣпушки маминьку.
 Бывало сидишь безошлучно всё
 Въ колѣняхъ у милой хозяйюшки;
 Скакнешъ шо шуда, шо сюда по нимъ,
 Киваешъ головкой и чикаешъ.
 Теперь—вошь онъ мрачнымъ пушемъ пошелъ
 Ошколѣ никшо не воропишся.
 Ужъ эшошь намъ спарый Самурнъ лихой
 Чшо все поѣдаешъ прекрасное!
 Такова лишишь насъ воробушка!
 О жалось! о бѣдной воробушекъ!
 Ты сдѣлалъ что глазки у Дашиньки
 Краснѣхоньки спали опъ плаканья!

XXV.

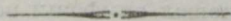
ПИРЪ АЛЕКСАНДРА.

или

МОГУЩЕСТВО МУЗЫКИ.

Драйденова Каншаша ⁸⁾

*на день свят. Цецилии, изобрѣтатель-
ницы органовъ.*

I.

Въ потъ царскій громкій день когда Филипповъ сынъ
 Низвергъ Персеполь въ прахъ,
 Во славъ видимъ былъ Ирой богоподобный,
 Судебъ, народовъ власшелинъ,
 Съдящъ на иронѣ, пиршества въ лучахъ;
 Вокругъ его священный спрахъ.
 Спѣсненный сонмъ вождей облегъ спешени прона,
 Всѣ въ розовыхъ и миршовыхъ вѣнкахъ,
 (Сей льготы пребуютъ побѣдоносцевъ чѣла);
 По спорону Царя
 Таиса милая сидѣла,

Въ разцвѣтшей младости какъ нѣжная заря,
И тысячью пріятствъ владѣла.

О блаженная чета!
Ироя одного достойна красота!

ХОРЪ.

О блаженная чета!
Ироя одного,
Его, его, сія достойна красота!

II.

Выходишь на средѣ пѣвецъ,
Всего гремяща хора вождь.
Уже слегка перстомъ перебираешь струны,
Вдругъ воскрисяющія симфоніи перуны
И грудь воспоргомъ дмятъ.

Отъ Зевса началъ пѣснь пѣвецъ,
Оспавлыиаго свое небесное селенье,
(Толико мощно естъ любви влеченье)
Пламенордыаго пріемъ дракона видъ,
Ощецъ боговъ свое пареніе спремить
Къ Олимпіадѣ благолѣпной.
Приникъ на лебедину грудь,
Сугубо обвиваетъ
Ея прекрасный станъ,
Съ любовію впечатлѣваетъ
Подобіе свое—Вспораго по себѣ
Царя вселенной.

Весь въ упоеніи сонмъ опъ дивной пѣсни.
 Се богъ! мы бога зримъ! мясежный шумъ возникъ,
 И паки: се нашъ богъ! раздался громкій зыкъ.

Царь же склоняетъ

Гордо слухъ.

Чпипъ себя богомъ,

Главой помаваетъ,

И мнишь что міръ поколебалъ.

ХОРЪ.

Гордымъ ухомъ

Царь внимаетъ.

Чтитъ себя богомъ,

Главой помаваетъ,

И мнитъ что міръ поколебалъ.

III

Но пѣснопѣвецъ Имя заводитъ Вакху,
 Вѣчномладому, вѣчнопрекрасному Вакху.

Веселій богъ изходитъ въ пріумфѣ:

Трубы и бубны, возвысьте гласъ!

Имѣяй въ ланипахъ

Смѣющийся пурпуръ,

Гремише валторны! идѣть! идѣть!

Юный и прекрасный Вакхъ

Даль намъ чашу круговую!

Наше наслѣдіе въ Вакховой чашѣ,

Пить изъ нея, ушѣшеніе наше:

Что же и краше,
 Что же и слаще
 Сей намъ утѣхи по ратныхъ трудахъ!

ХОРЪ

Наше наслѣдіе въ Вакховой тапѣ,
 Пить изъ нея, утѣшечіе наше:
 Что же и краше,
 Что же и слаще
 Сей намъ утѣхи по ратныхъ трудахъ!

IV.

Возликовалъ тушь мыслию Ирой:
 Ряды побѣдъ своихъ воображаешь,
 И въ памяти ояшь прикрашы побѣждаешь
 Врага, котораго сразилъ на шрехъ бояхъ.

Пѣвецъ искусный примѣчаетъ
 Какъ яросць въ немъ расшетъ, репивый духъ кипитъ,
 И очи мещущъ огонь—перемѣняетъ
 Вдругъ пѣсней понъ, неисповсѣво крошитъ.

Теперь игрой унывной
 Льешь въ сердце нѣжну жалость.

Монарха Персскаго поѣтъ;
 Великъ и добръ, но ахъ, гонимъ судьбою
 Паль, паль, паль, паль,
 Съ вершины самой паль.

Тонулъ въ крови позорно,
 Оставленъ въ крайности опъ всѣхъ кого любилъ,
 Во прахѣ онъ лежалъ проспертъ,
 Доколѣ взоръ его, безъ друга, безъ опрады,
 Померкъ.

Ирой сидишь, склонивъ печально
 Главу на перси, въ мысль приводишь
 Фортуны быспрый оборотъ;
 Извлекся шупъ усиленный вздохъ,
 Запимлся взоръ шуманомъ слёзъ.

ХОРЪ.

Понижи скорбно, въ мысль привелъ
 Фортуны быстрый оборотъ.
 Усиленный тѣмъ извлекся вздохъ,
 И канулъ слезный дождь.

V.

Художникъ тонко улыбнулся,
 Онъ видишь что любовь подъ симъ покровомъ дре-
 млетъ.

Чтобъ возбудить ее, мѣняешь тонъ;
 Лишь шагъ опъ жалости къ любви.

Троньшесь, гусли Эолійски!
 Насъ лелѣйше въ сладку роскошь!

Брось, о вилязь, бранну птягосъ.
 Слава не пузырь ли мыльный?

Всё расшешъ, не наполнился;
 Всё борьба и разрушенъе.
 Трудно міра покоренье!
 О, примижъ за шо награду!

Близъ тебя сидишь Таиса:
 Въ ней прими награду неба.

Единогласный слышенъ плескъ:
 Хвала, хвала любви! музыкѣ честь и слава!

Тутъ Царь, свое уже скрывая щещно пламя,
 На предести, копорыми плѣненъ,
 Вдохнувъ взираешъ,
 И паки смогришъ, и паки вздыхаетъ:
 Сугубожъ обуянъ любовью и виномъ,
 Побѣдипель мѣя упаль къ Таисѣ на грудь:

Хоръ.

Тшетно пламя скрыть желаетъ,
 Кои мѣ таетъ;
 Кѣ той которою плѣненъ,
 Страстны взоры посылаетъ
 И вздыхаетъ;
 И любовью и виномъ
 Неудержно бывъ влекомъ,
 Кѣ ней на лоно улаждаетъ.

VI

Грянь, грянь, злая арфа спрой!
Шуми звучнѣй, раздайся гласомъ бури!

Разпоргни дремѡту его,
Взбуди, всколебни его ударомъ грома!

Чу!—Чу! его огромилъ

Ужасный пробудъ.

Возстаетъ какъ изъ нѣдръ могилы,

Недвижный проспирая взоръ.

Мщенія! мщенія! мщенья давай! всѣ громко вѡпятъ.

Видь, какъ фурія къ намъ приближается,

Видь, увиша змѣей,

Крушился, шипитъ,

Искры огня изъ глазъ летятъ!

Что за блѣдныя шѣни

Грозно въ рукахъ пошрясають факель?

Духи сраженныхъ воевъ

На рашномъ полѣ отъ вражья меча,

Лишенны чести погребальной,

Вы жалуетесь намъ на свой плачевный рокъ.

Мщенья, мщенья дай

Храброму войску, Царь!

Смотри, какъ факель въ рукахъ раздувають оби-
женны шѣни!

Манятъ пожаръ на гордый Персеполь!

На дома Самрановъ, на храмы ложныхъ боговъ!

Воспрядали съ неистовымъ крикомъ вожди,
 И Царь самъ бѣдоносные факлы схватилъ.
 Таиса предводитъ,
 Подстрекаетъ пожаръ;
 Для новой Елены
 Горитъ Иліонъ.

ХОРЪ.

И Царь самъ бѣдоносные факлы схватилъ—
 Съ нимъ Таиса предводитъ
 Подстрекаетъ пожаръ
 И для новой Елены
 Горитъ Иліонъ.

VII.

Такъ учреждалъ
 Когда мѣхи еще не дышали,
 Уста же органовъ были нѣмы,
 Древній Эллинъ вздохъ своихъ свирѣлей
 Съ хоромъ спрунь,
 Киченье родя и гнѣвъ, и жалость и сладку любовь
 Съ небесъ же къ намъ низшедъ Цецилія
 Изобрѣла многосогласный спрой;
 Любимицѣ святой Фацшазіи
 Ей пѣсны прежніе художества предѣлы—
 Разпространяешь пышно пѣснь хвалебну
 Воспламененна духомъ свыше,
 Въ звуки и въ шрели, въ тысящегласный хоръ.

Дай преимущество, о Тимотей,
Передъ собою ей!

Но нѣшъ; вѣнецъ дѣлите оба!

Тотъ смертныхъ воскресилъ до неба,
Та Бога къ намъ свела гармоніей своей.

Большой хоръ.

Блаженная Цецилія

Изобрѣла органовъ строй.

Внимавша лики ангельски

Нашла предѣлъ земной музыки тѣснымъ;

И духомъ горнимъ пламенѣя,

Разпространила пышно лѣсъ хвалебну

Въ звуки и въ трели, въ тысящегласный хоръ.

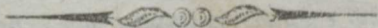
Дай преимущество, о Тимотей,

Передъ собою ей!

Но нѣтъ; вѣнецъ дѣлите оба!

Тотъ смертныхъ воскресилъ до неба,

Та Бога къ намъ свела гармоніей своей.

Примѣчанія къ лирическимъ опытамъ второй части.

Ода къ А. Г. В:

1.) Спран. 10. Спихи называемые *Асклепіадейскими* по имени изобрѣшателя и *Хоріамбическими* по сложенію спопъ, бывающъ чешырехъ видовъ, изъ коихъ чешверный употребленъ въ сей одѣ. Разсмотримъ прежде первые три вида.

1й Асклепіадейской размѣръ состоишь изъ однихъ Асклепіадовыхъ спиховъ, по имени изобрѣшателя названныхъ. Въ нихъ споны Хорей Хоріамбъ и два Дакшиля.

—v —vv— —vv —vv

Для примѣру приведемъ Гораціеву оду къ Мельпоменѣ: *Exegi monumentum aere perennius, &c.* Въ слѣдующемъ переводѣ:

Крѣпче мѣди себѣ создалъ я памятникъ;
Взялъ надъ царскими верхъ онъ пирамидами,
Дождь не смоетъ его, вихрѣмъ не сломится,
Цѣльный выдержитъ онъ іоды безчисленны,
Не потуетъ слѣдовъ быстрого времени.
Такъ; я весь не умру—большая часть меня
Избѣжитъ похоронъ: между потомками
Буду славой расти, вѣкъ обновляясь,
Зрятъ безмолвный пока ходъ въ Капитолію

Дѣвъ Весталей, во слѣдъ Первосвященнику.
 Тамъ гдѣ Авфидъ крутитъ волны шумящія,
 Въ весяхъ скудныхъ водою Давнусъ гдѣ царствовалъ,
 Будетъ слышно то я, рода беззнатнаго
 Отрасль—первый дерзнулъ въ Римскомъ діалектѣ
 Эолійской сложить мѣры поэзію.
 Силъ гордиться позволъ мнѣ по достоинству
 Муза! силъ увѣнчай лавромъ главу мою.

2 ой Асклепіадейской размѣръ состоить изъ соче-
 танія Гликонова стиха съ Асклепіадовымъ:

—v —vv —vv Гликоновъ

—v —vv —vv —vv Асклепіадовъ

Для примѣру другая Гораціева ода къ Мельпо-
 менѣ: Quem tu Melpomene semel &c. переведенная
 Другомъ автора, Г^м В. къ кошорому обращена пятая
 въ сей книгѣ піеса.

Мельпомена безсмертная!
 Въ тасѣ рожденья кому ты улыбалася,
 Тотъ не славится доблестію
 На Истмійскомъ бою;—гордо съ ристалища
 Не тететъ побѣдителей;
 Ниже громко въ тріумфѣ, лавромъ увѣнчанный
 По блистательнымъ подвигамъ,
 Укротивши царей грозы китливя,
 Въ Калиполію шестуетъ:
 Но при шумѣ клотей златнаго Тибура,
 Въ сѣнолиственныхъ рощицахъ,
 Восхищенный поетъ пѣсни Лезбійскія, и пр.

Сии два вида Асклепіад. размѣру употребляюща въ одахъ безспрофныхъ или нераздѣленныхъ на куплеты, какъ по примѣрамъ видно.

3 й Асклепіадейскій размѣръ состоитъ изъ трехъ Асклепіадовыхъ и одного Гликонова стиха, слѣдственно изъ куплетовъ въ чешыре стиха:

— v — vv — — vv — vv
 — v — vv — — vv — vv
 — v — vv — — vv — vv
 — v — vv — vv

4 ой Состоитъ изъ куплета же, въ коемъ первые два стиха Асклепіадовы, третій Ферекраповъ стихъ, четвертой Гликоновъ:

Аскл.	— v	— v v —	— v v	— v
	Волковъ	милой лѣвецъ!	что ты мол	чишь те- перь
Аскл.	— v	— vv —	— v v	— v v
	Ты сво	ею давно	Анакре	онскою
Ферекр.	— v	— v v	— v	
	Лирой	насъ не лѣ	няешь	
Глик.	— v	— v v	— v	—
	И Пар	наскихъ	не рвешь	цвѣтковъ

Здѣсь Гликоновъ стихъ приеѣмлетъ вмѣсто Дактиля на концѣ строфу Амфимакръ (— v —).

2.) Спран. 10. А. Г. В. нынѣ Химіи Адъюнктъ въ С. П. бургской Академіи наукъ, оказалъ себя нѣкоторыми

мелкими, по большей части Анакреонтическими стихопвореніями, кои напечатаны въ *Свиткѣ Музѣ*, 1802 года.

Услажденіе зимняго вечера.

3.) Спран. 21. *Ансамбль* (Ensemble) техническое слово употребляемое художниками; значить *цѣлое, совокупность частей* въ изображеніи чего либо.

Эпитафія М. И. Козловскому.

4.) Спран. 22. Здѣсь опытъ *Элегическаго стиха Древнихъ*, ш. е. сочетаніе Экзаметра съ Пентаметромъ, каковой стихъ употреблялся въ элегіяхъ и надписяхъ (у Овидія, Катулла, Марціала, въ Антологіи, и пр.)

Экзаметръ или шестистопный, состоитъ изъ Дактилей и Хореевъ расположенныхъ такимъ образомъ: въ первомъ мѣстѣ Хорей либо Дактиль, во второмъ также, въ третьемъ и четвертомъ также (*), въ пятомъ непременно Дактиль, въ шестомъ Хорей.

(*) Вмѣсто Хорея въ первыхъ четырехъ мѣстахъ по нуждѣ ставится Пиррихій (v v). Но сего избѣгать надобно, если желаешь чтобъ стихъ былъ полноречивъ и трезвъ то сходивъ съ Экзаметромъ Древнихъ, у коихъ оный состоялъ изъ Сpondeевъ и Дактилей.

Пеншаметръ. ш. е. пяписионный, разсѣченъ на два полуспишія, и имѣетъ въ первыхъ двухъ мѣстахъ также какъ и Экзаметръ либо Хорея, либо Дакшиля; пошомъ слогъ долгій, пресѣкающій; пошомъ два Дакшиля и опять долгій слогъ, который съ прежнимъ пресѣкающимъ составляетъ пятую спону.

Кромѣ сказанной эпиграфии писаны Элегическимъ размѣромъ двѣ эпиграммы въ сей 2 ой части Лирич. Опышовъ, подъ No. XX и XXI.

Ахелой, Вакхъ и Вертулиъ.

5.) Спран. 41. Въ семь стихотвореніи по примѣру Рамлера употреблено сочетаніе Экзаметра съ Архилоховымъ стихомъ, въ коемъ Дакшиль и Хоріамъ —vv —vv— или, что всё равно, два Дакшиля и долгій слогъ.

Брату и сестрѣ, и пр.

6.) Спран. 45. Для шѣхъ кои разумѣютъ по Латынѣ, прилагается здѣсь подлинникъ, сочиненный Іеронимомъ Амальшеемъ:

Lumine Acon dextro, capta est Leucilla sinistro
Et potis est forma vincere uterque deos.
Blande puer! lumen, quod habes, concede puellae!
Sic tu caecus Amor, sic erit illa Venus!

Оды изъ Горация.

7.) Спран 50. Здѣсь шесть Горациевыхъ одъ, изъ коихъ пятая переведена размѣромъ подлинника, прочія всѣ Ямбическими стихами. Но въ 1 ой и 3 ой одѣ хотѣлъ однако переводчикъ соблюсти и въ ямбахъ форму *Алцейской* и *Сафитеской* спрофы. Онъ переводилъ Горация не какъ мастеръ, а какъ ученикъ. Не имѣвъ иного руководителя кромѣ нѣкопрыхъ книгъ, придерживался онъ можетъ быть слишкомъ рабски подлинника своего, въ вещахъ побочных—въ механизмѣ стиховъ. Опъ того-то сіе наблюдение размѣровъ—опъ того сіи изъ одного стиха въ другой переносы рѣчей, которые сами по себѣ рѣдко красочу составляютъ, не переводчику казались нужными, чпобъ точнѣе изобразить форму оригинала. Я сказалъ, *рѣдко* составляютъ красочу: ибо не лзя иногда и въ переносахъ не признавъ существеннѣйшихъ красотъ, особливо подъ перомъ искусныхъ мастеровъ, Ломоносова или Державина. Наприм. стихи перваго:

*Не самъ ли въ арфу ударяетъ
Орфей, и камни оживляетъ
И слѣдомъ водитъ хоръ древесъ?
Любовь, и съ нею восклицаютъ
Лѣса и громо возвышаютъ
Младыхъ супруговъ до небесъ.*

Въ сочиненіяхъ послѣдняго можно также найти подобные примѣры.

Въ Гораціевыхъ же стихотвореніяхъ видимъ мы еще одну особенностъ (общую ему и Греческимъ Лирикамъ), а именно: переносъ смысла изъ строфы въ другую. Но въ эшомъ еще болѣе имѣетъ онъ подражателей, нежели въ спрочныхъ переносахъ. Да и всякъ кшо сколько нибудь постигаетъ лирическій ходъ мыслей, почувствуетъ что такіе переносы иногда необходимы; и сіе не только въ такомъ случаѣ когда строфы состоятъ изъ четырехъ или шести стиховъ, но даже изъ осьми и десяти. Такія строфы съ переносами, по замѣчанію самого Клопштока (*), не удобны къ положенію на нопы и къ

(*) Въ одномъ изъ первыхъ изданій Мессіады помѣстилъ онъ разсужденіе свое о подражаніи на Нѣмецк. языкѣ Греческимъ размѣрамъ, гдѣ между прочимъ говоритъ: „онъ (Горацій) переноситъ весьма часто мысль изъ одной строфы въ другую, потому что сіе согласно съ Энтузіасмомъ слуха и воображенія; слухъ иногда требуетъ болѣе нежели сколько содержитъ въ себѣ поэтическій періодъ заключающійся въ одной строфѣ, а воображенію не рѣдко также необходимо скорѣйшее безостановочное теченіе мыслей. Горацій не слыхалъ можетъ быть, — присоединяетъ Клопштокъ —, Ни отъ современныхъ пѣвцовъ, ни изъ музыки своего времени, то для пѣнья, періодъ со строфою вмѣстѣ должны оканчиваться; или же зналъ это, но захотѣлъ меньшимъ правиломъ пожертвовать большему.“

пѣнью— Но мнѣ кажется что и не имѣють въ помѣ
 нужды. *Ода, Кантата и Пѣсня* (по нынѣшнему сихъ
 словъ значенію) суть при вещи различныя. Пѣсня
 и Кантата поются, въ свойственныхъ имъ родахъ
 музыки. Ода не поется, а читается; она есть болѣе
 предметъ понятія нашего, нежели предметъ слуха:
 и хотя пребудетъ плавнѣйшаго теченія словъ, соглас-
 нѣйшихъ звуковъ, и вообще такъ сказать, *музыкаль-*
нѣйшихъ стиховъ; но не для того ли почти, чтобъ
 могла пѣмъ болѣе обойтись безъ прямого пособія музы-
 ки; чтобъ доставляла понятію нашему собственную,
 тончайшую музыку, внятную душѣ—музыку, въ ко-
 торой не столько важны число и мѣра *словъ*, сколь-
 ко число и мѣра *мыслей*. По сему кажется мнѣ что
 переносы изъ одной строфы въ другую происходящіе
 отъ быспрошы и избытка мыслей, свойственны одѣ.

Не говорю ничего о такихъ переносахъ коими
 разсѣкаются слова изъ одного стиха въ другой
 переносимыя, напримѣръ:

neque purpura ve-
 nale nec auro.

Такія по видимому принужденныя разсѣченія встрѣ-
 чающіеся у Пиндара и у Горация, позволялъ себѣ
 иногда Рамлеръ, и кажется что сіе дѣлалъ онъ безъ
 нужды, ибо употребилъ ихъ не въ пѣсняхъ, не въ
 кантатахъ, а въ одахъ—разсѣченія же сіи принад-
 лежатъ къ механизму музыки. Въ читаемой одѣ
 они оскорбляютъ глаза наши, въ пѣньѣ непримѣнны.
 Мы имѣемъ тому Русской примѣръ:

Какъ проходишь дарагая
 Мимо келли,
 Мимо келли гдѣ чернецъ бѣ-
 дной горюешь.

Мнѣ кажется что сіи переносы могутъ и должны случаться только у тѣхъ сочинителей, кои въ одно время и рѣчи стиховъ своихъ и музыку на оныя сочиняють, какъ древніе Греки.

Могущество музыки, кантата.

8.) Спран. 63. Драйденова Кантата „Alexander's Feast, or the power of musick“, есть лучший цвѣтокъ Британской поэзіи(*). Не знаю каковъ онъ покажется, пересаженный неискуснымъ садовникомъ на Русской Парнасъ.

Сіе сочиненіе въ подлинникѣ сплошь съ приемами, и положено на музыку славнымъ Генделемъ. Рамлеръ преложилъ оное на Нѣмецкой языкъ бѣлыми стихами, къ Генделевымъ нотамъ и слѣдственно съ точнымъ соблюденіемъ аглинскаго шопосложенія. Русское же сіе подраженіе вольными стихами сдѣлано было по переводу Рамлера, и попомъ сличено съ Агл. оригиналомъ.

(*) По словамъ Н. М. К. въ письмахъ Рус. Путешественника, части 6 шой.

ОПЫТЫ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЕ.

СВѢТЛАНА и МСТИСЛАВЪ,

Древній Романсъ.

Въ чешырехъ пѣсняхъ.

То старина, то и дѣянье,
 Синему морю на утѣшенье,
 Быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
 А добрымъ людемъ на послушанье;
 Веселымъ молодцамъ на погудки—

древн. Русск. стихотворенія, II.
 стран. 24.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Свѣтлана въ Кіевѣ щасливомъ
 Красой и младостью цвѣла,
 И изовсѣхъ красавицъ дивомъ
 При княжескомъ дворѣ была.
 Но болѣе еще сіяла
 Душевной прелесью она;
 Съ пріятствомъ крошесъ съединяла,
 Была невинна и умна.

Князей Богатырей и Грядней¹
 Всегда шекла толпа за ней;
 „Свѣшлана Лады миловиднѣй!“,
 Баяны² напѣвали ей.
 И ктобъ взглянувъ, не покорился
 Ея божественнымъ очамъ!
 Въ любви достойную влюбился
 Великій Князь Владимиръ самъ.

Люби меня дѣвица красна!
 Владимиръ—Солнце³ ей швердитъ:
 Водненье, муки сердца спрасшна
 Пріятный взоръ швой ушолитъ;
 Люби меня!—во шкани златы
 Твою одѣну красоту,
 Дамъ волосши тебѣ богаты
 И всѣмъ Княгинямъ предпочту!

Склонись, склонись!,—Но онъ слагаетъ
 Предъ нею шщешно царску власъ;
 Онъ шщешно молишъ, угрожаетъ:
 Она его опвергла спрасшъ!
 Какая жъ бы, онъ мнишъ, причина
 Сея холодности была?—
 Но ахъ, когдабъ онъ зналъ чшо сына
 Ему Свѣшлана предпочла!...

Къ опцу изъ своего удѣла
 Тмушараканскій прибылъ Князь.
 Свѣшлана юношу узрѣла—
 Заискрѣлась и разлилась

Любовь въ груди дѣвицы красной.
 Увы! она ее шайпъ;
 Но ей измѣнипъ вздохъ всечасной
 И разгораніе ланипъ.

Вступалъ ли въ спремена злапья
 На играхъ рыцарскихъ Мспиславъ;
 Мешалъ ли копы изъ десныя
 Въ высоку цѣль--иль щипъ подъявъ,
 Скакаль чрезъ поприще широко,
 Одолѣваючи Князей;
 За нимъ ея лешало око,
 И сердце шрепешало въ ней.

Уже ты, бѣдная, мечтаешь
 О немъ во снѣ и на яву.
 И злыхъ людей не примѣчаешь:
 Разносяпъ объ тебѣ молву!
 Но Кіевского слухъ владыки
 Молва сія какъ громъ разипъ.
 Немедля, сына Князь великій
 Въ черпогъ къ себѣ призвашъ велипъ.

„На шоль ты опрокъ дерзновенный
 „Удѣльный градъ оставилъ свой,
 (Вѣщаль Владимиръ раздраженный)
 „Чтобъ опчій нарушашъ покой!—
 „Уже дѣвицъ ты обольщаешь
 „Злощастный! . . . Съешь здѣсь раздоръ!
 „О, ты мнѣ сердце оправляешь,
 „Оставъ немедленно мой дворъ!,,

Опець мой!—съ должнымъ преклоненіемъ
 Младъ вишазь изумленно рекъ—
 Скажи, какимъ я пресступленьемъ
 Вдругъ гнѣвъ пивой на себя навлекъ?
 „Какимъ!—личиною обмана
 „Свой ты хочешь козни скрыть:
 „Не влюблена ль въ тебя Свѣплана?
 „Не пылъ дерзнулъ ее прельстивъ?,,

Чшо слышу! я любимъ Свѣпланой!
 Ахъ, вподлиннуль, родишель мой?
 Сподь щастливъ я?—спокрапъ желанной
 Я могъ ли вѣспи ждашь такой!...
 Явлю во всемъ повиновенье,
 Во всемъ—лишь мнѣ Свѣплану дай.
 Готовъ иппи я въ зашоченье,
 Но съ ней меня не разлучай!—

Кто гнѣвъ Владимира опишетъ,
 Борьбу спирастей жестокихъ въ немъ!
 Онъ ревностью, досадою дышетъ,
 Врага онъ въ сынѣ зришь своемъ.
 „Не будь комнѣ жестокосердымъ—
 Прекрасный продолжалъ Мспиславъ,
 Почтишельно, но гласомъ швердымъ,
 Къ ногамъ родишельскимъ припавъ—

„Мой князь, тебя я почишаю,
 Опець мой, я тебя люблю;
 Но я Свѣплану обожаю,
 И никому не уступлю!,,

Съ симъ словомъ вспаль, и разпростился
 Съ умолкшимъ въ ярости опцомъ;
 Поспѣшно опъ него пустился
 Въ ночи: кудажь—въ Свѣпланинъ домъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Любовью, страхомъ окриленный,
 Мстиславъ лешѣль, и вмигъ былъ шамъ—
 Но какъ въ черпогъ уединенный
 Предсташъ Свѣпланинымъ очамъ?
 И ночьюжь?—Но всеильну запу
 И прозьбамъ домъ опворенъ спаль;
 Введенъ рабыней, вшелъ внезапно,
 И изумившейся вѣщаль:

„Нельзя мнѣ долѣ шайсья
 Давно плѣненному побой!
 Я слышаль—но могли льспишься—
 Чшо не прошивенъ я драгой!
 Могуль сему повѣритъ щасью?
 Опвѣспивуй мнѣ, мой рокъ сверши!
 Грядущій часъ грозитъ напастью
 Тебѣ и мнѣ—ахъ, поспѣши!..

Съ любовью спыдъ въ ней равносильны
 Но первая превозмогла;
 Возведши робко взоръ умильный

„Люблю тебя,, произнесла.
 Сей взоръ Мстислава восхищаетъ,
 Бальзамъ въ него слова шѣ лютъ;
 Онъ руку нѣжную лобзаетъ,
 И вздохомъ зыблемую грудь.

Но дороги для нихъ мгновенья—
 И скоро во младыхъ сердцахъ
 На мѣсто сладка упоенья
 Вселился справедливый страхъ.
 Но Князь рѣшается— —Драгая!
 Свѣшланѣ онъ сказалъ своей,
 Пойдемъ—насъ ждетъ спрана иная,
 Оставимъ градъ опасный сей!

Мой островъ нажищами красенъ⁴
 Обширенъ мой престольный градъ,
 Обилень, весель, безопасенъ;
 Тамъ ждетъ насъ Леля⁵ богъ оградъ;
 И жизнь свою опдамъ я прежде
 Чѣмъ милую!— —она на то:
 Даюсь тебѣ, моей надеждѣ!
 Женихъ мой ты, или никто!

Потомъ срядилась для дороги
 Свѣшлана скрытно ошовсѣхъ;
 Оставила свои чершogi,
 Со вздохомъ—можешь быть на вѣкъ:
 Но съ нею шель любовникъ милый,
 О чемъ еще ей горевать;
 Какія Чернобожьи силы
 Прошиву Лады могутъ спастъ!

И се дружину собираешъ
 Мстиславъ Тмушараканскій Князь;
 Съ собою пушъ имъ назначаетъ,
 Съ любезной на коня садясь.
 Сколь привлекашельнымъ находишь
 Она его въ сей страшный часъ!
 Съ младаго рыцаря не сводишь
 Своихъ любующихся глазъ.

И между тѣмъ ихъ борзы кони
 По усыпленнымъ спогнамъ мчашъ.
 Спрашася каждый мигъ погони,
 Лобовники спѣшашъ, спѣшашъ.
 Уже изъ Кіева удачно
 Предмѣсъемъ выбрались глухимъ;
 Вкругъ ихъ безмолвно все и мрачно
 По дебрямъ и горамъ крупымъ.

Спокойнымъ села сномъ забылись,
 На все простерла ночь покровъ;
 Во мракѣ пучь отъ взоровъ крылись
 И звѣзды, перемы боговъ.
 Лишь водъ Днепровыхъ тихій ропотъ
 Носился пуншикамъ во слѣдъ,
 И эхо только конскій шопотъ
 Отъ горъ горамъ передаетъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

О Ладѣ, красоты богиня!
 Любовниковъ въ пущи храни:
 Чиста ихъ склонность и невинна
 Достойны щасія они—
 Раздоры, бѣдспівія раждаешь,
 И мучишь насъ швой горькій *Дм. дб*:
 Но Леля радость возспавляешь,
 Сердца связуешь и миришь.

Владимиръ по опходѣ сына
 Остался виѣ себя—не зналъ
 На что рѣшишься; зла кручина
 Рвала въ немъ сердце. Онъ пымалъ
 Жалѣнья, гордостии, любви,
 Неисповснза, спыда огнемъ.
 Вдругъ дышешь мценьемъ, жаждешь крови,
 Вдругъ дѣйствуешь природа въ немъ.

Природа къ сыну преклоняла
 Кошорый споль достойнъ былъ
 Родишела во всемъ—внушала,
 Чшо онъ шакую полюбилъ,
 Кошорую никшо не можешь
 Увидѣшь, не влюбясь—но вдругъ
 Опяшь свирѣпа ревность гложешь,
 Опяшь дѣлашь въ немъ спрасни духъ.

Какой конецъ борьба получишь,
 Какал спрасть одержишь верхъ?

И не родишь ли новы пучи
 Сей неувѣданный побѣгъ!
 Владимиръ вспрянулъ—но оставимъ
 Великокняжескій шеремъ,
 И за Свѣшланою направимъ
 Полетъ свой яснымъ соколомъ.

Сквозь дичь, сквозь мракъ, на крыльяхъ Лети
 Съ дружиной вѣрною своей
 Свѣшлана и Мстиславъ лешѣли.
 Они уже среди полей
 Переяславскихъ; но Зимцерла
 Еще по небесамъ ковровъ
 Своихъ червленыхъ не простерла,
 И не былъ ночи снятъ покровъ.

Съ полей же тѣхъ былъ виденъ славный
 Надгробный памятникъ Славянъ;
 Еще до Кіа, въ вѣки давны,
 Насыпанъ кругль, высокъ курганъ.
 Густою окружаясь рощей,
 Надъ нею гордо возносилъ
 Хребетъ свой зеленью поросшій,
 И пушника къ себѣ манилъ.

Но страхомъ заперло дорогу
 Сквозь оный лѣсъ дремучь и дикъ,
 Запѣмъ чпо тамъ имѣлъ берлогу
 Разбойникъ Велрѣ желѣзной клькѣ.
 Онъ по при дни и по при ночи
 Всѣ рыскалъ—не спалъ, не дремалъ.

Но снова богатырски очи
На сполькожъ супокъ онъ смыкалъ.

Мстиславъ безъ спраху въ лѣсъ пустился,
И около кургана тамъ
Съ дружиною расположился
Дать опдыхъ успалымъ конямъ.
Въ свой объѣзъ взявъ ссажаетъ
Съ коня Свѣсплану юный Князь;
Зеленый дернъ ихъ ожидаетъ—
И вся по роцѣ разошлась
Для спражи князева дружина.

Оспрадной мыслию полна
Душа Владимирова сына:
„Она сомной! Моя она!“,
Сстыдлива юная дѣвица
Съ любезнымъ женихомъ своимъ
На правку мягкую садится,
Бесѣдуя пріятно съ нимъ.

Наговорись, наглядѣшься,
Не можешь милая чеша;
Что рѣчь, что взглядъ, то вздохъ изъ сердца;
И часто сходясь уша,
Рука жметъ часто руку нѣжно,
Огонь блискаетъ во очахъ;
Клянущся другъ ко другу вѣчно
Живѣйшу спрасъ пишутъ въ сердцахъ.

Но вдругъ восторгъ ихъ прерываетъ
 Ужасный топотъ, шумъ и крикъ.
 И нѣкшо чоренъ выѣзжаетъ
 Изъ за кургана въ топъ же мигъ.
 Сидишь на аргамакѣ чаломъ,
 При бедрѣ свѣшлый мечъ виситъ,
 Шеломъ съ опущеннымъ забраломъ,
 Копье въ десной, а въ шуйцѣ щипъ.

Онъ къ двумъ сидящимъ прискакавши,
 Невняшно, глухо провѣщаль:
 „Ба! я прервалъ ушѣхи ваши;
 „На щастіе же я попалъ!...
 „Послушай! чуръ сомной дѣлиться!
 „Сей часъ мнѣ дѣвушку опдай;
 „Или—рѣшишь сомною бишься,
 „И тяжестъ сей руки узнай!

„Что смотришь? нѣтъ тебѣ подмоги;
 „Твоя дружина пала вся;
 „И самъ ты здѣсь подкосишь ноги!
 „Здавайся—*Велрѣ разбойникѣ* я!,,
 Тмушараканскій Князь въ безмѣрной
 Досадѣ огъ помѣхи сей,
 Воскликнулъ гнѣвно: дерзновенной,
 Пришелъ за смертью ты своей!

Со смѣхомъ чорный отвѣчаетъ:
 „Хотѣлось бы увидѣшь мнѣ—
 „Языкъ швой много обѣщаетъ!—
 „Таковъ ли храбръ ты на конѣ

„Какъ на правѣ съ молодой дѣвицей?,,
 Мстиславъ досадою горя
 Схватилъ копьѣ—скокъ на конь—мчишся,
 Лещишь на грознаго Велря.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Что спалось, нѣжная, съ тобою!
 Что чувствовала ты въ ночь мигъ,
 Когда къ кровопролитну бою
 Возлюбленный швой пенъ женихъ!
 Ты щещно робкій взоръ вперяла,
 Чтобъ по виду врага узнать:
 Лице рѣшоткою забрала,
 Весь спанъ закрылъ желѣзомъ лань.

Ужъ оспры копыя пришупили,
 Въ листовые щипы вонзивъ;
 И свѣшлы сабли обнажили
 Поспѣшно съ сѣдель соскочивъ.
 Сошлись для спрашнаго сраженья.
 Кольчуги, шлемы ихъ звучащъ;
 Опъ пяхкаго мечей паденья
 Съ доспѣховъ иверни лепящъ.

Мстиславъ прошивнику полшлема,
 Мечемъ ударивъ, отдѣлилъ
 И сшибъ съ главы, но въ поже время
 Его мечъ вражій улучилъ—

Онъ поблѣднѣлъ—помикъ—изъ раны
 Кровь жаркимъ брызнула ручьемъ!
 Раздался жалкій вопль Свѣшланы
 При несстерпимомъ видѣ шомъ.

Но видъ еще иной открылся:
 Разколотъ шлемъ, лишенъ подпругъ,
 Съ *терноодѣтаго* скамился...
 Лице его наруже вдругъ—
 Свѣшлана вскрикнула: Владимиръ!...
 Владимиръ!—вскрикнулъ юный Князь...
 —„О, помиримся, сынъ любимый!
 Пылъ ярости моей погасъ.,,

Вѣщаль—и мечъ кровавый кинувъ,
 Съ себя спѣшивъ бѣлъ поясъ снявъ
 И съ сокрушеннымъ видомъ сыну
 Онъ щипитъ рану повязать:
 „Меня, мой сынъ, обуревала
 „Неукрошимо злая спрасъ,
 „Но се природа воспріяла
 „Свою надъ опчимъ сердцемъ власъ.

„А ты, невинная причина
 „Того что я забывъ родство
 „На кровного спремилъ сына,
 „Ввергалъ во гробъ себя, ево.
 „Свѣшлана! будь ему женою:
 „Тебѣ Мстиславъ, я знаю, милъ;
 „И обладаніе шобою
 „Своею кровью онъ купилъ!,,—

Откудажъ вдругъ взялся Владимиръ
 И какъ бѣгущихъ онъ наспигъ?
 И въ грозное облекся имя:
 Разбойникъ Вепрь желѣзной клыкъ—
 О семъ пошщися намъ повѣдашь
 Баяне вѣщій древнихъ лѣшъ! . . .
 „Не могъ ли вмигъ Владимиръ свѣдашь
 Что въ Кіевѣ Свѣпланы нѣшъ.

Разосланы гонцы—опкрылся
 Бѣгущихъ слѣдъ: немедля самъ
 Владимиръ на коня садился
 Сверкнувшимъ въ немъ тогда мыслямъ.
 Чего Царю свершится не можно
 Какъ если на сердце онъ взялъ? „—
 Конечно такъ—но думашъ должно,
 Разбойникъ Вепрь тогда дремалъ.

Къ стопамъ Владимировымъ пали
 Свѣплана и молодой Мстиславъ,
 И въ онѣменьи пребывали . . .
 Но Царь ихъ ласково поднявъ,
 Сказалъ: „возлюбленныя чада,
 „Забудьте всѣ напасши вы;
 „Меня связуешъ съ вами Лада
 „Узломъ родипельской любви!

„А ты мнѣ въ силѣ мышцы равень
 „Храбрѣйшій изъ сыновъ моихъ,
 „И бой для насъ обоихъ славень,, . . .
 На то Свѣпланинъ рекъ женихъ:

Онъ славенъ—я не чшу позоромъ
 Чшо побѣжденъ рукой опца;
 Но ты бы могъ единымъ взоромъ,
 Единымъ маніемъ лица
 Меня сразишь—зачѣмъ ты крылся?

„Мой сынъ, любовь равняетъ всѣхъ;
 „Опцовской власшю я спыдился
 „Надъ солубовникомъ взяшь верхъ:
 „Мечшами спраспи ослѣпленный
 „Я думалъ храбростью одной
 „Спяжашъ красы ея безцѣнны—
 „И кровью залилъ пламень свой!

„Но искрѣбъ не затлѣшься прежней,
 „О дщерь моя! не изъявляй
 „Миѣ благодарности споль нѣжной;
 „Мстислава одного ласкай!
 „Пойдемъ—помыслимъ объ опѣздѣ
 „Теперь заранѣй въ Кіевъ градъ.
 „Вблизі опсель съ моими вмѣстѣ
 „Всѣ спутники швой спояшъ.,,

Тогда явилась колесница
 Везома парою коней.
 Съ дѣвицей юноша садился,
 А между ихъ Владимиръ въ ней.
 Въ глубоки мысли погруженный
 Чшо надъ собой побѣду взялъ,
 Въ душѣ борьбою утомленной
 Казалось онъ шріумфъ держаль.

Тріумфу оному злапая
 Была добыча: связь сердець;
 Признательность, любовь святая,
 Несли надъ нимъ торжествъ вѣнецъ—
 Но пріобрѣщеньемъ Свѣпланы
 И опчей благостью Мстиславъ
 Утѣшенъ, не болѣлъ отъ раны;
 Былъ взоромъ свѣплъ, и тѣломъ здоровъ.

Наставшу утру, возвратился
 Мстиславъ съ Свѣпланой въ Кіевъ градъ:
 Въ семь дней отъ ранъ онъ изцѣлился,
 Въ осьмой былъ свадебный обрядъ.
 И брачну пѣснь гремятъ Баяны,
 Цвѣтеть опрадой Княжій домъ;
 За скатерти садятся браны
 И *турей розѣ* пошелъ кругомъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.) Спранъ 82 *Гридьбою* или *Гридинами* назывались придворные во времена первыхъ Князей—*Гридия* и *Гриднища* чершого или зала дворцовая.

2.) Спран. 82. *Баяны* Русскіе Барды.—Прежде нежели изъ *лѣсни о походѣ Игоря* напечатанной въ 1800 мѣ году, спало намъ извѣстно объ одномъ какомъ-то *Баянѣ* или *Боянѣ*, случилось мнѣ прочесть имя *Баяновъ* во множественномъ числѣ, въ книгѣ подъ названіемъ *лріятн. и полезн. прелровожденіе времени*; именное, *лѣснѣ Кіевскихъ Баяновъ* и пр. сочиненіе Г на *Нарѣжнаго*. Не знаю откуда сочинитель сей пѣсни взялъ своихъ *Баяновъ*; изъ народныхъ ли какихъ преданій, сказокъ или пѣсень, или изъ рукописи содержащей *лѣснѣ о походѣ Игоря*, ежели она ему до напечатанія была извѣстна. Какъ бы то ни было, я согласенъ съ Г. Нарѣжнымъ принимать имя *Баяновъ* во множественномъ числѣ, разумѣя подъ шѣмъ Поэшовъ, какіе должны были находиться при дворѣ Государей древнихъ. Что сіи поэмы именно назывались *Баянами*, о томъ конечно не говоришь *лѣснѣ о походѣ Игоря*, упоминающая только объ одномъ *Баянѣ* какъ о собственномъ имени; но нельзяли предполагать что упомянутый пѣснопворецъ по превосходству названъ общимъ именемъ *Баяна*, то есть: баснословъ, вѣщн. рассказчика. Имя сіе съ довольною вѣроятностію произвешши можно отъ глагола *бая* (говорю), вмѣстѣ со словами *баснѣ, обаяніе, и проч.*

3.) Спран. 82. Кіевляне прозвали Владимира *солнышкомъ*, что видно изъ многихъ сказокъ и пѣсенъ.

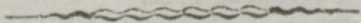
4.) Спран. 86., *Мой островъ* и пр., островъ Таманъ, на которомъ, какъ нынѣ открылось, стоялъ городъ Тмушараканъ, столица удѣльнаго Княжества.

5.) Спран. 86. Одинъ изъ моихъ пріятелей, прилѣжной хронологъ и анпиквариусъ, увѣрялъ меня, что въ то время когда Мстиславъ Владимировичъ въ лѣсахъ былъ всступашъ съ опшомъ своимъ о любовныхъ дѣлахъ въ соперничество, Россія уже пріяла святое крещеніе, и слѣдственно не лзя чшобъ Мстиславъ поминалъ боговъ Славенскихъ: я могъ бы на это сказать, что поэтамъ позволительно Анахронизмы; но кромѣ того ссылаюсь на *лѣснь о походѣ Игоря*, сочиненную (ежели то правда) спустя двѣсти лѣтъ по введеніи Христіанства, и не смотря на то, поминающую имена боговъ: Велеса, Дажьбога, Сприбога, и пр.

6.) Спран. 88. *Дидъ* или *Дидо* сынъ Ладинъ и противный *Лелъ* богъ. Сіе заключають изъ стариннаго припѣва *Дидо калина, Леля малина*; но припѣвъ сей можно толковать по разному.

Авторъ разумѣлъ подъ именемъ *Лели* любовъ щастливую, сопровождаемую успѣхомъ и удовольствіемъ, а подъ именемъ *Дида* несчастную, мушительную любовь.

7.) Спран. 96. *Турей рогъ*, бычачій рогъ, который употребляли на пиршествахъ вмѣсто чаши (смотри древн. Рус. списхопворенія изданныя въ Москвѣ 1804.) Такіе роги вмѣсто чашъ, и на Греческихъ бареліевахъ видны. Русскіе же, (какъ преданіе гласитъ) пили изъ оныхъ медъ. Придетъ ли Богатырь какой къ ласковому Князю Владимиру; сей тому подноситъ тару зелена вина и турей рогъ меду сладкаго.

ПѢВИСЛАДЪ и ЗОРА.

Древняя повѣсть.

Въ пяти Идилліяхъ.

I

Собирайтесь люди Кіевски
 Передъ холмъ священный Боричевъ,
 Поклонитися Богамъ своимъ,
 И почтитъ свяшую силу ихъ
 Благочестнымъ приношеніемъ,
 Пированіемъ и призницею¹!—
 Такъ вzywалъ Баяновъ² громкій хоръ,
 Съ холма поле озираючи,
 Въ звонки гусли ударяючи.
 А гадашели и вѣдъмы шамъ
 Въ покровеніяхъ шайнственныхъ;
 И священные жрецы Боговъ
 Окреситъ храмовъ суемяся всѣ;
 Носятъ жершвенны орудія,
 Сулей и чары сребрены,
 И кадилы драгоцѣнныя;
 Точатъ свѣшлые ножи свои
 На порогахъ бѣлокаменныхъ,
 Сгошоваются къ Велику дню³.

Пѣвисладъ одинъ, Грудьевъ сынъ,
 Оспавляетъ многогласный хоръ.
 Онъ, кошорый изъ Баяновъ всѣхъ
 Какъ соловьюшикъ изъ ппицъ лѣсныхъ—
 Приумолкъ, и занявъ мыслями
 Ошнялъ персты отъ дрожащихъ струнъ:
 Взялъ, понесъ подъ мышкой гусельцы,
 Шагомъ медленнымъ сквозь всю толпу
 Пробираясь—отъ Предхрамїя
 Въ рощу заднюю—туда идетъ
 Гдѣ поставленъ образъ Ладинъ былъ.
 Тамъ, подъ деревомъ сѣнолиственнымъ,
 Опершись на гусли звонкія
 И взирая на кумиръ свяшой,
 Благовидный молишь юноша
 Съ шихимъ вздохомъ:

Ладо красная!

Долго власти я не зналъ швоей;
 На свободѣ думалъ вѣкъ прожитьъ,
 Безъ зазнобы въ решивомъ сердцѣ.
 Ахъ! жестоко опомстила ты
 Побѣдительными прелесшми
 Черноглазой, милой дѣвицы.
 Гдѣ шеперь мое спокойствіе?
 Гдѣ веселость? не до пѣсенъ мнѣ,
 Не до пиршесшвъ и до славныхъ дѣлъ;
 Только по и на умѣ шеперь
 Какъ бы свидѣться съ душой моей,
 Съ черноглазой, милой дѣвицей,
 Безъ кошорой я съ шоски умру.

Но какое неразуміе!
 Въ неизвѣстную влюбился я...
 Гдѣ найши ее, и кто она?
 Кто любви моей сосватаетъ?...

О всесильна Матерь Лелина!
 О швоемъ священномъ имени
 Я пойду по граду Кіеву
 Поискашъ моей возлюбленной;
 А не сыщешся и въ Кіевѣ,
 Предомною вся свяшая Русь:
 Я пойду ошъ моря до моря,
 И препнешъ ли что въ пущи меня?—
 Черезъ всѣ богошекущія⁴
 Рѣки вплавъ, въ лѣса и на горы
 Занесусь— и успокоюся
 На груди моей возлюбленной,
 Либо... въ мащери-сырой-землѣ!—
 Если, Ладо, ты Бѣлбогу дщерь⁵;
 Умилишь, услышишь мольбу мою,
 Покажи миѣ *дѣву сужену*!
 Ахъ! и сдѣлай чтобъ она ко миѣ
 Нѣжнымъ сердцемъ преклонилася.

Между тѣмъ Баяновъ громкая
 Пѣснь лилася съ высоты холма:
 Собирайшесь люди Кіевски
 Передъ холмъ священный Боричевъ
 Поклонитесь Богамъ своимъ!
 Звукомъ шрубъ и гусель вшорилось:

Поклонитесь Богамъ своимъ! —
 Собирались люди Кіевски
 Всѣ предъ холмъ священный Боричевъ,
 Отъ Подола, отъ Погорія
 И отъ всѣхъ предѣловъ Кіевскихъ.
 Всѣ въ поляхъ благоцвѣтныя
 Наряжались красны дѣвицы;
 Заплетали косы лентами
 Украшали грудь цвѣточками
 И лазоревы вѣнки плели
 Чѣобы праздновать *Великій день*.
 Раздались по снопамъ Кіева
 Восклищанія ликующихъ,
 Раздались гласы празднества
 И мольба и славословіе —
 Всякой проситъ о своемъ Боговъ.
 Паспырь *Велесу* овна несетъ,
 Чѣобы спадо было въ цѣлоси.
 О погодѣ земледѣлшель
 Молишь сильнаго *Царя вѣтровъ*⁶,
 И плода начатки cadaго
 Полагаетъ онъ съ усердіемъ
 Предъ *Кулала*⁷ благотворнаго
 (Сей бо древле во единъ народъ
 Созвалъ дикіи племена въ степяхъ,
 Научилъ ихъ земледѣлію,
 Далъ смягченнымъ ихъ сердцамъ вкусить
 Миръ, и сладость общежитія).
 Многу честь пріялъ и свѣтлый *Знѣтъ*⁸
 И *Триглава* со *Селятовитемъ*⁹.

Хорса¹⁰ хмелемъ увѣнчаннаго,
 Вся Поляница удаля¹¹
 Ублажаетъ надъ корчагами
 Сладка меду, пива пьянаго,
 И надъ кубкомъ зелена вина.
 Идушъ къ Ладѣ всѣ любовники,
 А замужнія къ *Дидилин*¹².
 Всякой просишъ о своемъ Боговъ.

II.

Изовсѣхъ дѣвицъ и красныхъ женъ,
 Кои къ празднику спекалися,
 Красоша блискала Зорина.
 Дочь Тысяцкаго Спанимира,
 Зора, только что пятнадцатой
 За собою годъ оставила,
 И не вѣдала иныхъ еще
 Удовольствій кромѣ дѣтскихъ игръ.

На канунѣ *Дня великаго*
 Зора съ юными подругами
 Въ лѣсъ по ягоды гуляшъ пошла.
 И наполнивши корзиночку
 Земляникой и малиною,
 Вышла изъ лѣсу на ровной лугъ
 Весь въ цвѣсахъ и въ мягкой зелени.
 О подружки, говоришъ она,
 Посмотрише, какъ пріятно здѣсь!

Не нарвашь ли намъ цвѣшовъ себѣ—
 Мы покроемъ сладку ягоду
 Всю душистыми цвѣшочками,
 И сплешемъ еще вѣнки себѣ!
 Всѣ подружки похвалили шо,
 И корзинки вмигъ поставили
 На справу—и съ удовольствіемъ
 Сами въ справку побросались.
 Разцвѣщающъ среди цвѣшовъ
 Тамъ играющія дѣвушки
Лебедь, Ива и Малушинька,
 И *Грудива*, шѣломъ спройная—
 Но не Лада всецвѣшущая
 Между *Милицами*¹³ райскими!
 Ты стоишь между подругами,
 Свѣшъ Спанимировна Зорушка!

Долго дѣвушки тамъ пробыли,
 Проклажая подъ шѣнію,
 Дружно, весело бесѣдуя;
 А какъ день склонился къ вечеру,
 Собрались онѣ домой ишши:
 Но Спанимирова дочь тогда
 Сговорясь съ любезной *Лебедью*,
 Удержала ихъ и молвила:
 Ой вы дочери ошечкія!
 Я еще скажу вамъ дѣльное;
 Непригоже намъ домой ишши,
 Не омывшись го свяшомъ Днѣпрѣ:
 Да и надобно же къ завшрему

Приочиспиться намъ дѣвушкамъ:
 До рѣки отсель близѣхонько—
 Дѣльно! *Ива* ей опвѣнспвуешъ,
 Но чшобъ не было опасносши,
 Чпо бы люди не увидѣли—
 Тутъ *Малушинька* прервала рѣчь,
 Изяславна милоокая,
 Всѣхъ рѣзвѣе и моложе всѣхъ:
 Нѣшъ опасносши, повѣрыше мнѣ;
 Здѣсь вблизи на берегу крупомъ
 Роща *Чуру*¹⁴ посвященная,
 Мѣсто свяшо искони временъ.
 Мнѣ показывала машушка
 Образъ *Чуровъ* тамо— камень бѣлъ.
 Изъ подъ камня бѣешъ родникъ во Днѣпръ,
 Тамъ мы дѣвушки умоемся.
 Съ словомъ симъ она впередъ бѣжишъ,
 Прочихъ манишъ за собою же.
 Всѣ пуспились за Малушею:
 Прежде *Лебедъ* и *Грудива*—свѣшъ
 Съ развѣваемой одеждою,
 А попомъ и *Ива* съ Зорою—
 Какъ случилось, особыми
 Всѣ бѣгушъ онѣ шропинками—

Зора въ лѣсъ когда густой вошла
 Потеряда прочихъ изъ виду,
 Только слышала шаговъ ихъ шумъ
 И журчаніе Днѣпра вдали.
 Тишина сія и мракъ свяшой

На нее наводятъ думушку.
 Робкой ланію идетъ она;
 Остановишся и слушаешь,
 Сступишь шагъ и озирается;
 Часто твердишь имя Чурово
 Опъ напасстей огражденіе.
 Между тѣмъ всё идучи впередъ
 Не встрѣчаетъ никого въ лѣсу;
 И ужъ лѣсъ густой рѣдѣется
 И сквозь вѣтви засинѣлся Днѣпръ.
 Зора съ берегу сойши спѣшишь
 Чтобъ подругъ найши, и съ ними бы
 Послѣ звою шамо дневнаго
 Бѣло тѣло освѣжишь свое.
 Но сходя крушой пропинкою
 Между чащею кустарника,
 Смогришь въ сторону, и видишь шамъ
 Чшо? не волка ли—нѣтъ—юношу.
 Онъ на мягкой муравѣ дремалъ
 А предъ нимъ лежали гусельцы
 На злаломъ ремнѣ висѣвшіе
 Черезъ спашное плечо его.

III.

Споль нечаянное зрѣлище
 Въ диво Тысяцкаго дочери.
 Опойши ли ей, приближишьсяль...
 Попихоньку приближается
 Не безъ робости и шрепешу,

И наклоншись смоприть приспально.
 Вдругъ бѣда—невѣсть отъ шороху,
 Иль отъ мошекъ, или самъ собой,
 Онъ проснулся—разшворилъ глаза
 На любезную красавицу,
 Успремившуюсь внезапно вспяшь.

„Ахъ куда, воскликнулъ нѣжно онъ
 Къ обрѣвшею—ты куда спѣшишь!
 Заплаши мнѣ красна дѣвица
 Что нарушила мой сладкой сонъ,
 Заплаши мнѣ дорогой цѣной!
 Ты мнѣ ягоды вкусишь своей
 Дай сама зашто изъ бѣлыхъ рукъ!,,
 Виноватая въ смущеніи
 Закраснѣвшись и пошупивъ взоръ
 Подала ему малины горсть.
 Онъ не сполько-то малинъ радъ
 Сколько ручкѣ бѣлой, кругленькой,
 Поднесеной ко устами его.
 Вмигъ вся ягода снята была,
 Но уста—прильнули къ рученькѣ!

Тутъ возводишь красна дѣвица
 Нерѣшимо глазки черные;
 „Что не пустишь доброй молодець
 Ты руки моей,—въ невинности
 Произносишь милымъ голосомъ.
 „Знашь дала тебѣ малины я
 Недовольно: на, возьми еще,,

Но не думалъ разскаватъся онъ
 Такъ-то скоро съ бѣлой рученькой;
 А опъ устѣ своихъ опнявъ ее,
 Ко груди прижалъ добычу шу:
 Самъ же, съ дѣвы не сводя очей,
 Жадно вслушиваясь въ рѣчь ея,
 Опшѣчаетъ: о прекрасная!
 Чшо мнѣ въ ягоѣ? не слаще ли
 Прикасаться до руки швоей!—

Впала дѣвица въ раздумье шуъ:
 Успремляешь око ясное
 Въ коемъ лиха никакого нѣтъ.
 Озираешь съ удовольствіемъ
 Удивительнаго юношу;
 Наконецъ ему съ улыбкою
 Говоришь:,, когдаже пустишь ты?,,—
 Вмигъ, любезная! еще къ устамъ
 Приложу . . . и вошь послушенъ я—
 Ахъ усталь ли бѣ я держать сію
 Бѣлу рученьку въ моихъ рукахъ;
 Нѣжно къ сердцу прижимать ее,
 И къ устамъ—но прогнѣвишь тебя
 Я горчайшею бѣдой сочшу.
 Или я ужъ прогнѣвилъ тебя? . . .
 Зора пребыла безмолвною,
 Возраспало въ ней смятеніе;
 Но глаза ея спыдливые
 Тонкимъ жаромъ наполняются,
 Будшо высказашъ спараюшся:

Ты ничѣмъ не прогнѣвилъ меня!
 „Сколь я виненъ (продолжаешь онъ)
 Что съ побою такъ невѣжливъ былъ!
 Съ каждымъ взоромъ ты мнѣ кажешься
 Обоженія достойнѣе;
 Ошмещаю дерзость прежнюю,
 И спрашусь чтобы за оную
 Не былъ презрѣнъ я, несчастнѣйшій!
 Но накажешь ли за то меня
 Окомъ гнѣва и немилости?
 Или можно мнѣ надѣяться
 Что прощаешь мнѣ—увѣрь меня
 Хошь малѣйшею въ шомъ ласкою;
 Дай опять мнѣ руку нѣжную
 И привѣпливымъ ушѣшь словцомъ,,
 Тушь она: чего ты пребуешь,
 Съ удивленіемъ промолвила
 Въ большемъ опчасу смященіи:
 Что просишь тебѣ, не вѣдаю;
 Въ чомъ ушѣшишь? . . . вошь рука мол,
 Ты не врагъ мнѣ; не виню тебя:
 Я себя виню что спящаго
 Разбудила—опшусшижъ шеперь;
 Вижу, дѣвушкѣ съ мущиною
 Спрашно бытъ—прощай! и съ словомъ симъ
 Улыбнулась, рѣзво вырвалась,
 И поспѣшно удалилася.
 Молодой Баянъ остался шамъ
 Въ несказанномъ восхищеніи;
 Провождалъ глазами дѣвушку

И охотно бѣ въ слѣдъ пошелъ за ней,
 Еслибъ многихъ сквозь кустарникъ онъ
 Не услышалъ голоса подругъ.
 Но опять потомъ утихло все;
 Знать ушла она съ подружками.
 Онъ споялъ какъ будто самъ не свой,
 Приунылъ и пригорюнился;
 Взявъ же гусли, спалъ наигрывать:

О прекрасная, кто ты?
 Ахъ, зачѣмъ не спросилъ я?
 Ахъ, зачѣмъ не спровѣдалъ!
 Скрылась, скрылась какъ молнья.
 Естли только не съ Неба
 Ты одна изъ безсмертныхъ
 Въ сей явилася роцѣ!
 Спанъ и послушь Богини!
 Взоромъ въ сердце проникла,
 Взоромъ яснымъ, невиннымъ!
 Естли ты изъ безсмертныхъ,
 О! явился мнѣ паки;
 Я разшаю въ весельи!
 Безъ тебя я погибну
 Въ пляжкой, въ пляжкой кручинѣ.

Онъ не могъ ужъ продолжашъ въ шокѣ,
 Гусли выпали изъ рукъ его—
 Прислоняется онъ къ дереву
 Закрываетъ рукавомъ лице.
 Все казалось исчезнувшимъ

Вкругъ его—лишь онъ съ поскою своею
Сиротѣетъ въ поднебесной —

Но скрѣпившись, укоряя себя
Что такъ слабъ; и богатырское
Ободряетъ сердце къ мужеству.
Прикасается опять къ гуслямъ,
Хочетъ вызвать звуки бранные —
Звуки пиршества — веселія —
Чтобъ разсѣять думу крѣпкую.
Нѣтъ, напрасно—непокорныя
Ропщутъ струны; издаютъ одно
Только томное, унывное.
Такъ въ печали возвращается
Онъ на Кіевъ познимъ вечеромъ.

И на утро Пѣвисладъ-Баянъ
Передъ мощнымъ божествомъ любви
Изливаетъ свою кручину спалъ.
Лада гласъ его услышала.

IV.

Лада гласъ его услышала;
Ибо въ дочери Спанимира
Родила она желаніе
Чтобъ пойти и въ первой разъ еще
Посѣпить ея златой олшаръ.
Идучи съ опцомъ и съ машерью,

Говорила Зора матери:
 Всѣ богамъ усердно молюся
 Всякой просишь ихъ о чемъ нибудь.
 Мнѣ о чемъ и у кого просишь
 Научи меня родимая!
 Развѣ батюшкѣ и мапушкѣ
 Долголѣтія и щастія
 Испросишь пойду у Дажбога.— —
 Опшѣчала Зорѣ мать ея
 Съ нѣжной ласкою родительской:
 Ахъ ты дочь моя любезная,
 Ненаглядно наше солнышко!
 Намъ тебѣбъ увидѣть въ щастіи
 Вотъ одно у насъ желаніе.
 Объ себѣ, а не объ насъ проси;
 Нынѣ дѣвушка невѣста ты,
 А невѣсты—Ладѣ моляшся.
 Тушь прекрасно око дочери
 Прослезилось и невольный вздохъ
 Подъ сорочкой тонколенькою
 Лебединую приподнялъ грудь.
 (Ужъ пришли они предъ самой холмъ
 Гдѣ пѣвцовъ стояло сонмище)
 Ладѣ—повторила дѣвушка,
 Такъ, любезные родители—
 Но пора ли мнѣ молюсь ей;
 Правда, нынѣ мнѣ пятнадцатой
 Минуль годъ, и всѣ мнѣ тожъ швердяшъ,
 Знайся съ Ладой, красна дѣвица!
 Ахъ! и скрыла во объятіяхъ

Нѣжной матери слезу свою...
 Мать прижала съ умиленіемъ
 Къ сердцу дочь свою любезную,
 Ошерла слезу плащочкомъ ей
 Осушила поцѣлуями;
 Красна дѣвица жъ оправившись,
 Продолжала: нѣтъ того во мнѣ
 Чтось пропивившись Богамъ святымъ.
 Буди воля ихъ на мнѣ молодой.
 Но нога моя коснешся днесь
 Въ первой разъ предѣловъ Ладиныхъ;
 Въ первой разъ передъ Богинею
 Я предспать должна!—Спрашусь, увь!
 Какъ припши тудъ, не знаю я:
 Не бывала, не видала я.
 Дайше, Башюшка и Машушка
 Вашей дочери совѣтъ благой.

Попечительная Мать тогда
 Такъ совѣтовала дочери:
 Какъ придеши передъ Богиню ты
 Поклонися ей въ сыру-землю,
 И жрецу ея священному
 Поклонися чинно по поясъ.
 Снявъ съ головушки цвѣтной вѣнокъ
 Разплеши свою русу-косу
 Опстриги опъ оной три кудря
 И пожершуй Ладѣ оными,
 А потомъ вѣнокъ свой также къ ней
 Положи на золошой олтарь

И моли съ благоговѣніемъ:
 Дай мнѣ мужа, Ладо красная!
 И умою и виномъ добраго;
 Чтобы мнѣ молодой былъ ровнюшка;
 Чтобы союзъ нашъ неразрывенъ былъ
 И богатъ златыми радостями
 Какъ душистый сей вѣнокъ богатъ
 Разновидными цвѣточками.
 А чтобы злой не посѣщаль насъ *Дидѣ*¹⁵,
 Приими *Богиня бѣлая*
 Въ чисту жертву примиришельну
 Приношеніе власовъ моихъ.
 Изречешъ когда слова сіи,
 Попроси чтобы, какъ водился,
 Жрецъ священный совершилъ обрядъ,
 И о суженомъ, о ряженомъ,
 Погадай шебѣ бы правду всю.

Вявши мудроси совѣтовъ сихъ,
 Собралася красна дѣвица
 Чтобы иппи ко храму Ладину.
 Повели ее опецъ и мапъ
 Всю завѣсивъ золошой фатой.

Какъ соловка новогнѣздная
 Въ первой разъ еще на вѣпочкѣ
 Съ другомъ сидючи слышала
 Сладкопѣніе любви его
 И воспорговъ дробь, и свиспъ и щолкъ;
 Раножъ пойманная ппичникомъ

И ужъ въ тѣсной клѣткѣ порхая,
 Вечеркомъ еще туда ушко
 Тихо склонить, гдѣ оставила
 Соловья—не принесетъ ли ей
 Вѣтерокъ изъ тѣхъ кустарниковъ
 Дивный тонъ, однажды слышанный,
 Но вперившійся въ душѣ ея
 И раздвигшій сердце къ сладостямъ—
 Такъ несмѣлой взоръ дѣвическій
 Бывъ завѣшенъ золотой фашой,
 Всѣ невольно обращается
 Въ ту сторонушку, откуда звукъ
 Громкихъ струнъ и голоса текутъ;
 Всѣ чело-то ищеть взоръ ея.

Подъ покровомъ ей мерещишся
 Образъ юноши вчерашняго
 И глубоко нѣжный гласъ его
 Ошзывается въ ухахъ ея.
 Сердце Зоры сладкимъ прелепомъ
 Вдругъ прониклось, и внезапный жаръ
 Оцвѣшилъ лице прекрасное:
 Ей привидѣлось, что юноша
 Къ ней подходитъ—между тѣмъ она
 Слышитъ мать свою, кому-то вдругъ
 Говорящую съ привѣщствіемъ:
 „Бьемъ челомъ Баяну вѣщему!
 Не Богининъ ли священникъ ты?
 Се, (покровъ злапой съ дѣвицы снявъ)
 Се приводимъ къ Ладѣ дочь свою—„

Что опкрылось! о восторгъ святой!
 Пѣвисладъ увидѣлъ милую
 И она его увидѣла.

V.

Онъ еще споялъ предъ Ладю
 Торжествомъ не занимаяся
 Углубленъ въ мечтаньяхъ сладостныхъ,
 Какъ приходомъ симъ нечаяннымъ
 Прервались его мечтанія.

Ладо! Царь-богиня¹⁶! вскрикнулъ онъ,
 Буди славно ты прославлена!—
 Что просилъ я, то исполнилось!...
 Обращившись же къ приведшимъ, рекъ:
 Сей дѣвицѣ вы родители,
 Храбрый мужъ, Спанимиръ Тысяцкій
 И Цвѣшима Госпомысловна:
 Естли такъ, я познаю шеперь
 Въ сей дѣвицѣ несравненную
 Зору, славимую въ Кіевѣ—
 Неизвѣстенъ бывъ о имени
 И объ опчествѣ красавицы,
 Я увидѣлъ красоту ея.
 Боги правящіе смертными
 Прилучили мнѣ вчера съ ней бысть;
 И не щещно, но съ намѣренѣемъ,
 Ибо грудь мою зажгли они

Нѣжнымъ пламенемъ сихъ чорныхъ глазъ,
 И теперь ее ведутъ сюда
 Принесли мнѣ облегченіе.
 О когда бы сердце Зорино
 Улелѣялось любовію,
 Я бы щастливѣе князя былъ!
 Я бы Зоринымъ родишелямъ
 Билъ челомъ, чшобы они меня
 Нынѣ зяшемъ нарекли своимъ!

Сердце дѣвы на лицѣ ея
 Противъ воли обнаружилось.
 Дало знашь отцу и мащери
 Чшо любезень ей Баянъ молодой;
 Но тогда премудрый Тысяцкій
 Строго взоръ на жениха возвелъ
 И сказалъ ему: не выдамъ я
 Дочь за мужа неизвѣснаго;
 Опозорить насъ безславный зящъ.
 Рцы мнѣ, кшо ты добрый молодець?
 Чей ты сынъ? — — — я Пѣвисладъ-Баянъ.
 Пѣвисладъ Баянъ! воскликнули
 Съ удивленіемъ опецъ и мащъ.
 О Грудыевъ пресловущый сынъ,
 Съ Княземъ Ольгомъ на войнѣ Буй-турѣ,
 Соловей въ пріятномъ пѣніи!
 О вѣнецъ Баяновъ Кіевскихъ!
 Ты достойнъ нашей дочери!

Слыша рѣчи благосклонныя
 Низко кланялся имъ юноша;

Нѣжно взглядывалъ на дѣвушку;
 И спросилъ онъ тихимъ голосомъ
 Тесня будущаго съ пещею:
 Нынѣ въ день Боговъ торжественный
 Вы поводишь сговоръ бытъ
 О родители почтенные!—
 Улыбаясь въ отвѣтъ ему
 Рекъ Спанимиръ: бытъ по шибѣму.
 Призови, женихъ, друзей своихъ
 Чѣобы мы могли шеперь же здѣсь
 Передъ Ладой заключить сговоръ,
 Заключивъ же пировать пиры.
 Пѣвисладъ послушалъ съ радостью
 Слову молвленному въ доброй часъ,
 И пошекъ спопами скорыми
 Созывашъ своихъ: вы гой еште
 Кто Баяну Пѣвисладу другъ!
 Приходите на сговоръ къ нему.
 Всевадѣ, Зыкошѣ, Бѣлоногѣ, Стоянѣ,
 Мой названный братъ¹⁷ Хвалимовиць!
 Гой немедленно сюда ко мнѣ
 Просимъ милоспи, любезные!

Между тѣмъ дѣвица красная
 Вопросающимъ родителямъ
 Безъ утайки все повѣдала,
 Какъ вчера на берегу Днѣпра
 Пѣвислада обрѣла она,
 Какъ онъ съ нею разговаривалъ,
 Какъ онъ ягоды выпрашивалъ.

Какъ попомъ она съ подружками,
 Удалившись за кустъ, слушала
 Рокошанье гусель сладостныхъ
 Заунывное и нѣжное,
 Такъ чпо слушала, да плакала.
 Какъ опшуда идучи назадъ
 Не могла она забыть его
 Взгляда, рѣчи, пѣсни жалобной.
 Какъ мечшала съ шой поры о нёмъ
 И воснѣ и на яву она.

Но женихъ молодой со зваными
 Туть явился—Поклоняются
 Божесиву любви и жершвуютъ.
 По свершеніи же шребы всей
 Заключенъ сговоръ былъ свадебный.

И въ приданое за дочерью
 Далъ Станимиръ добру молодцу
 Поле ржи, ячменю сполько же;
 Тучныхъ семь юницъ съ шеляшами,
 Кобылицу съ жеребьями;
 Десять гривень красна золота
 Серебра же въ шроель, въ чешвероль—
 А Цвѣшима Госпомысловна
 Милой дочери въ приданое
 Семь концовъ дала злашой парчи,
 Шелку всякаго и бархашу,
 Много пряжи и шканья и шубъ
 Куньихъ, бѣлыхъ, горноснаевыхъ;
 Также мамку, и воспитанныхъ

Съ нею въ домѣ сѣнныхъ дѣвушекъ,
 Прилѣжащихъ къ рукодѣліямъ.
 О нужнѣйшемъ не забыла мать,
 О домашней разной ушвари:
 Все сіе сговорено было
 За дѣвицею въ приданое.

И Станимировна милая
 Съ другомъ сердца въ роцѣ Ладиной
 По желанію взаимному
 Обручилась о *Великомѣ* днѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.) Спран. 100. *Тризнице* отправление Тризны.—
 Тризною называлось не только поминаненіе объ умершихъ, но и всякія въ древности поприщныя игры, какъ-то борьба, бѣганье, кулашной, шпажной бой, и проч.—(смотри въ словарѣ Росс. Академіи слово *Тризна*)

2) Спран. 100. *Баяны*. Смотри о нихъ на спра-
 ницѣ 97, въ примѣчаніяхъ къ предыдущей повѣ-
 сти.

3.) Спран. 100. *Великѣ-день*. Въ старину называли такъ Свѣтлое Христово Воскресенье; да и нынѣ, если не ошибаюсь, сохранилось сіе названіе въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи. Я положилъ что до введенія Христіанства главный праздникъ язычниковъ могъ такъ называться.

4.) Спран. 102. *Боготекущія*—Гомеръ придаетъ сей эпитетъ рѣкамъ получавшимъ божескую честь, каковы были *Сперхій*, *Скамандрѣ*, *Ахелой* и проч. Можно въ такомъ же смыслѣ придать эпитетъ сей рѣкамъ обоготвореннымъ Славянами: Бугу, Дону, Дунаю, Волгѣ, и пр.

5.) Спран. 102. *Бѣлбогу дщерь*. Славяне называли всѣхъ добрыхъ боговъ *бѣлыми богами*, что видно изъ найденныхъ у Вендскихъ Славянъ на кумирахъ и жертвенныхъ орудіяхъ надписей(*) какъ то: *Радегастъ Бѣлбогъ*, *Святовитъ-Бѣлбогъ*, *Сѣва Бѣл*. и про. нѣкоторыя же другія надписи, но гораздо въ меньшемъ числѣ, представляютъ имена *темныхъ боговъ*. Смори путешествіе Графа Ив. Поттокаго въ Саксонію для опысканія Славенскихъ древностей, писанное на французскомъ языкѣ: (*Voyage en Saxe du Cte Potocky, in 4 to, Figures*)

6.) Спран. 103. *Царь вѣтровъ*. Таковымъ почитали

(*) Нагертанныхъ особливými письменами кои отчасти сходны съ гретескими, отчасти съ рунитескими письменами.

до сего времени Позвизда или Похвиспа; но *лѣснѣ* о *походѣ* Игоря, называя вѣшровъ „Сприбожи Внуци,, заспавляешъ думать что Сприбогъ былъ царемъ ихъ. Въ такомъ случаѣ Позвизду осталось бытъ Бореємъ или другимъ кѣмъ изъ подчиненныхъ вѣшровъ. Но и Сприбогъ не имѣлъ ли еще другаго какого дѣла? въ Славенскомъ языкѣ остался глаголь *успрабляю*, значущій *лѣту*, *облегчаю* *болѣзнь*: не былъ ли полно Сприбогъ и Эскулапіемъ Русскимъ?...

7.) Спран. 103. *Кулило*. Имя сіе и понынѣ извѣстно въ деревняхъ. Въ ночи съ 23 го на 24 ое Іюня, чрезъ зажигаемые по полямъ огни изъ соломы и хвороспу, скачущъ молодые поселяне, припѣвая имя Купала. Оспавимъ до другаго времени строгое крипическое изслѣдованіе кто былъ Купало; опъ чего произошло его имя и что значашъ обряды въ честь ему совершаемые—предположимъ по стихопворческой вольности, что Купало есть Славенской богъ, по лучившій имя сіе за то что *совокулилъ*, созвалъ первобытныхъ Славянъ въ общество, и можешъ бытъ онъ же завелъ у нихъ *кулю* и торговлю. Ежели сверхъ того по Аналогіи приписать ему изобрѣшеніе гуслей и пѣвницы (чего по сию пору не доставало въ нашей Миѳологіи) и даже изобрѣшеніе письменъ (*)—то онъ будетъ у насъ Меркуріемъ, Гермесомъ или Таушомъ—будетъ богомъ обще-

(*) По мнѣнію нѣкоторыхъ, Славяне умѣли писать за долго до введенія Христіанства.

житія, торговли, наукъ и краснорѣчія: законодатель и просвѣтителемъ— Но ежели чинатель хочеть вѣрнѣе и подробнѣе узнать о Купалѣ и о другихъ упоминаемыхъ здѣсь богахъ Славенскихъ, пусть заглянеть въ книжицу Гна Попова о *славенск. баснословіи*, въ *Абелегу Русскихъ суевѣрій* и въ другія новѣйшія сочиненія о семъ предметѣ.

8.) Спран. 103. *Знать*. Подъ симъ именемъ, какъ увѣряють, обожали Славяне неугасимый огонь называвшійся у Римлянъ *Веста*. Вѣроятно принесли Славяне сіе служеніе отъ востока, такъ какъ и Римская *Веста* почищается заимствованною отъ Персовъ.

9.) Спран. 103. *Триглава со Святоситемъ*. Триглава или Тригла, по мнѣнію баснослововъ нашихъ, есть шройственная Гекапа: слѣдственно и Луна—Свѣшповидъ, Свяшповидъ или Свяшповичъ, богъ солнца, который въ тоже время былъ и богомъ брани у Вендскихъ Славянъ.

10.) Спран. 104. *Хорсѣ* или *Корта*. Сего почитали нѣкоторые Эскулапіемъ, производя имя его отъ глагола *кортитъ*; будто бы *кортитъ*, всё равно что *лѣтитъ*!—Сіе нелѣпое произвожденіе имени давно опровергнуто Болинымъ, и другими, называющими Корчу Бахусомъ; что по моему мнѣнію и вѣроятнѣе, ибо у насъ остались донныя слова *кортма*, *Кортелница* (пищевой домъ) *кортагъ*, *кортага* (пищевой сосудъ); да и самое дѣйствіе *кортитъ*

стольже свойственно приписывать силѣ вина, сколько
лѣкарствамъ. Правда, что нѣкто изъ новѣйшихъ
нашихъ авторовъ, почитаетъ Улада Бахусомъ; но
Уладъ былъ у Славянъ то что у Римлянъ *Комусъ*,
богъ ядѣнія и веселыхъ пировъ: Когда уже у Римлянъ
особому богу поручалось вѣденіе желудка; кольми
паче у Славянъ, въ холодномъ климатѣ жившихъ,
и потому сильнѣйшимъ апетитомъ одаренныхъ.
Комусъ столько же, по крайней мѣрѣ, былъ имъ ну-
женъ сколько и *Бахусъ*.

11.) Спран. 104. *Поляница удалая*. Взято изъ
старинныхъ пѣсенъ. Надобно думать что сіе соби-
рательное имя означало ратныхъ людей провожда-
ющихъ жизнь свою въ полѣ, каковы были въ особен-
ности Богатыри временъ Владимировыхъ, сходство-
вавшіе много съ Гошическими спранспвующими
рыцарями.

12.) Спран. 104. *Дидилія* тоже что у Римлянъ
Луцина, а у Грековъ Илиѳія, ежели вѣришь нашимъ
баснословамъ. Сходство имени ея съ именемъ *Дида*
о коемъ прежде говорено было, показываетъ что
сіи два божества имѣють какое нибудь сродство
между собою, а можетъ быть и одно лице соста-
вляють.

13.) Спран. 105. *Милицы*. Я осмѣлился ославе-
нить Греческихъ Харисъ и Римскихъ Грацій, пере-
ведши такимъ образомъ лишерально; ибо *харис* и

Gratia совершенно поже значать что Милица или Милая. Въ Мавроурбиновой славенской исторіи нашель я между прочимъ сіе женское имя *Милица*, которое и подало мнѣ мысль выдумать Русскихъ Грацій и сдѣлать ихъ Ладиными подругами. Нѣмцы давно уже берутъ смѣлосіе переводить *die Hulbinnen* или *Hulbhöftinnen*: Для чего же и намъ не попытаться на это, а особливо въ славенской мѣологіи, которая такъ скудна сама по себѣ.

14.) Спран. 106. Чурѣ Славенскій богъ межей, который у Римлянъ назывался *Терминомъ*. Надобно думать что и у Славянъ, какъ у Римлянъ, испуканъ сего божества состоялъ изъ чешвероугольнаго камня либо изъ деревянной колоды (*) полагаемыхъ для размежеванія полей. У насъ имя сего бога сдѣлалось теперь междумѣіемъ заклинательнымъ и условнымъ. (Смотри словарь Росс. Акад.)--Можетъ быть Чурѣ былъ также богомъ кляшвы, присяги и храненія даннаго слова.

15) Спран. 115. *Дидѣ*. Смотри въ примѣчаніяхъ къ предыдущей повѣсти, на спраницѣ 98 той.

16) Спран. 117. *Царь-богиня*. Я осмѣлился упо-

(*) Отъ того, можетъ быть, произошли слова, Чурбанъ круглой короткой отрубокъ отъ бревна, и Чурка небольшой срубокъ отъ бревна. Смотри въ словарь рос. Академіи сіи слова.

пребихъ сіе выраженіе по Аналогіи стариннаго слова *Царь-дѣвица*. Надобно замѣтить что и въ наши времена Венгерцы (смѣсь Славянъ и Гунновъ) называли Марію Терезію не Царицею своею, а Царемъ:—*Rex noster Maria Theresia!*

17.) Спран. 119. *Названный братъ*. Уже Греческіе писатели прославили великодушную и вѣрную дружбу Скиѳовъ.—Такъ и понынѣ въ Русскомъ народѣ можно видѣть тысячи примѣровъ благороднаго сего чувства во всей его чистотѣ. Прекрасный обычай *брататься* и *названные братья* принадлежатъ особенно Русскимъ.

XXVIII.

ОТКРОВЕНІЕ МУЗЫ.

Отверзлась горняя Боговъ обитель,
Отверзлась оку моему;
И пренебеснаго сіянья
Полокъ разсѣялъ тьму!

Простершись лѣспвицей комнѣ огнистой,
По коей спѣшно низпекла
Глубокомысленная Муза,
И тако мнѣ рекла:

Возспани, ревностный служитель Феба!
Сію гипару пріими
Изъ рукъ моихъ—и вдохновенный
На ней пеанъ греми;

Зане услышано швое моленье
Во сонмѣ свѣшподарныхъ силъ:
Прозрѣли духъ швой, неба алчуць;
И Зевсъ благоволилъ

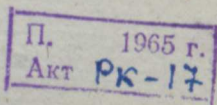
Да не затворишся Олимпъ блаженный
Видѣнію швоихъ очесъ,
И да всегда съ тобой пребуду
Посланица небесъ.

Не бѣ възможенъ мной руководимый
 О камень зла ноги прешкнущъ;
 Эфирными ему цвѣтами
 Успелюшъ Оры пущь.

Хошя же спрогала судьба опъемлешъ
 Опшъ успшъ пвоихъ вѣшійсшва даръ,
 Создавъ шебл косноязычнымъ;
 Но чувшшвъ сердечныхъ жаръ

Тѣмъ съ большей силою да воскресаешъ
 Въ размѣрѣ сладосшныхъ стиховъ.
 Языкъ шебѣ не доданъ смершныхъ,
 Но данъ языкъ боговъ.

Кр- 7487

конецъ второй части.

О П Е Ч А Т К И

стр.	срок.	напечатано.	чишай
41 - - 7	много, цвѣшовъ	много цвѣшовъ	
61 - - 1	Везсмертной	Безсмертной	
75 - - 1	бодьшей	большой	
77 - - 14	не	но	
87 - - 12	любовники	любовники	
114 - - 22	Ижрецу	И жрецу	
123 - - 19	по лучившій	получившій	

ГПБ Русский

138

29 97